

Колдовские Миры

ПАРА НЕ ПАРА- ПАРЕНЬ НЕ ПАРЕНЬ

НАДЕЖДА КУЗЬМИНА

Колдовские миры

Надежда Кузьмина

Пара не пара – парень не парень

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кузьмина Н. М.

Пара не пара – парень не парень / Н. М. Кузьмина — «Эксмо»,
2016 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-699-88506-0

Что делать, если тебя грабят посреди бела дня, а силы несопоставимы? Да ещё и власть на стороне вельможного вора? Остаётся одно: запутать всё, поставить вверх тормашками – а потом уронить на голову врагу! Подозревал ли всемогущий герцог Ульфрик Эл’Денот, Длани Правосудия всея Сорренты, что если обирать и притеснять сирот, рано или поздно встретится кто-то, способный дать отпор и отплатить той же монетой? А если таких даже двое? Чтобы сохранить состояние и уберечь себя саму, Эльме Эл’Сиран пришлось переодеться в мужское платье и затесаться в свиту их светлости. Обманутый герцогом Алэр Эл’Суани, пытаясь подобраться к обидчику и вернуть украденное поместье, выдаёт себя за девушку.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88506-0

© Кузьмина Н. М., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	45
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Надежда Кузьмина

Пара не пара – парень не парень

© Кузьмина Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Перепутанные нити
Вы в одну соедините.
Что получится, взгляните —
Узел иль узор?
Или нить, что шёлком вьётся,
Вдруг внезапно оборвётся?
Усмехаясь чуть лукаво,
Ткёт судьба ковёр...*

Глава 1

Тот прожил хорошо, кто прожил незаметно.
Овидий

Эльма Тьери Эл'Сиран

Как утверждал мой частный учитель математики господин Ферналь, минус на минус всегда даёт плюс. Думаю, этот теоретик не от мира сего в криво сидящем на длинном носу пенсне и с вечно перемазанными чернилами манжетами что-то путал. В свои семнадцать я твёрдо знала, что в жизни дело обстоит с точностью до наоборот: неприятность, помноженная на неприятность, вовсе не становится сюрпризом, а почти всегда разрастается и распухает, превращаясь в гигантскую проблему, а то и настоящую катастрофу.

А как иначе объяснить несусветную жуть, в которую вылились не вовремя сломанный каблук и некстати вывалившийся из рук таз?

Началось всё с неудобных новых туфель на высокой шпильке, которые я, Эльма Эл'Сиран, решила надеть по случаю прибытия в наш захолустный Меровен невероятно важной персоны – Дланей Правосудия самого Владыки всея Сорренты, герцога Ульфрика Тауга Эл'Денота.

Вообще, в Меровене привыкли жить тихо. Городок стоял в уединённой, протянувшейся с запада на восток горной долине близ южных границ Сорренты, и ведущая в центр страны дорога здесь заканчивалась, дальше ехать было некуда. Хотя меровенцы куда и не ехали. Сидели сиднем в родном городишке и нескольких окрестных деревушках и были вполне себе счастливы. На северных склонах долины извека выращивали виноград, на южных – пасли тонкорунных овец, а ещё у нас были плантации особого душистого хмеля и лаванды. Тем и жили, причём весьма неплохо. Только очень уж скучно... В Меровене никогда ничего не происходило. Если вдруг терялась чья-то кошка или намечалась неожиданная свадьба – об этом потом судачили месяцами. Иногда, глядя в зеркало, мне хотелось завывать: «Ну хоть бы что-нибудь случилось! Так же жить невозможно! Хочу быстрее вырасти и уехать в столицу!»

Наверное, боги меня услышали.

И усмехнулись. Даже не усмехнулись – хищно ослабились.

Но, возвращаясь к теме захолустного застоя, когда на Фонтанной площади у городской ратуши объявили, что нас посетит невероятно важный владетельный вельможа из столицы, в Меровене поднялась невообразимая суета. Девицы и замужние леди бросились к единственному в городе приличному портному. Кто успел добежать первым – тому повезло, прочим предложили «освежить» наряды, притачав актуальные в этом сезоне кружева на манжеты и модные сейчас стоячие, под подбородок, воротники. Магазин готового платья обделённые барышни брали штурмом, обеспечив владельцу за два дня годовой доход. Мощённые камнем улочки драили аж с мылом и щёлоком, а городской Глава издал распоряжение, что хозяева всех домов, выходящих на центральную улицу, обязаны украсить балконы коврами или богатыми тканями, развесив оные по перилам. Вдоль фасадов домов на пути к ратуше полагалось расставить вазоны с цветами.

Моя тётушка, выслушав новости, поджала губы и хмыкнула:

– Видать, много Глава из казны украл, что сейчас так суетится!

Я хихикнула: тётя Анель – судейская вдова и моя единственная, пусть и не кровная родственница – по жизни была реалисткой и ошибалась редко. И за те шесть лет, что мы жили вдвоём, заразила и меня совершенно неприличным для воспитанной девицы благородного происхождения скептицизмом.

Хотя, если быть точнее, первые четыре года под тёткиной опекой я его старательно развивала и пестовала, а последние два – училась прятать. Потому что однажды тётушка подняла на меня лорнет и вздохнула:

– Эль, будешь такой заразой – никто замуж не возьмёт. Или женятся на приданом, а через месяц сбегут из дома к любовнице попокладистее. А как у нас в Сорренте с разводами, сама знаешь.

Я прониклась. С разводами и впрямь дело обстояло плохо. Пробьёт над головой трижды храмовый колокол – и всё – никуда не денешься, пока он не зазвонит снова, провожая на погост усопшую рабу. Вперед ногами, в гробу с рюшечками. Зато приданое имелось – о-го-го даже по столичным меркам! Кроме доставшихся по наследству оливковых садов и лавандовых полей, я была владелицей конезавода, где разводили уникальную славящуюся на всю страну породу упряжных лошадей – «золотую меровенскую». Выносливые, резвые рысаки с гордой статью и гладким ходом имели невероятную, дивную масть – не просто соловую или буланую, а именно золотую, включая хвост и гриву. Пара или четвёрка меровенцев, запряжённая в карету, свидетельствовала о состоянии и статусе владельца больше, чем если бы тот утыкал транспортное средство драгоценными камнями или отлил кучерский облучок из самородного золота. Дурная идея, кстати, золото – оно жутко тяжёлое и слишком мягкое для чего-то дельного.

А определялась заоблачная цена меровенцев их редкостью – златогривые красавцы желали рождаться исключительно в Меровене. Я – наследница семейного дела – знала, в чём секрет. Жерёбых кобыл выпасали на горных склонах, где, среди прочего разнотравья, росла мисорра. Невзрачное растение с ажурными листиками забирало из почвы соли минералов, которые и влияли на масть потомства. Причём в любом другом месте та же мисорра никакого воздействия не оказывала. Даже у нас годились не все пастбища.

К торжественному дню мы готовились на пару с подружкой Леськой – Левесеньерой Эл'Легарт, у семьи которой имелся дом с балконом, выходящим на главную улицу. С него Леська и решила наблюдать за прибытием кортежа и бросать, как это описано в модных романах, букеты. Мол, все восхитятся и в нас влюбятся! Даже если окажется, что к Дланям Правосудия приложен нос крючком или изрядное брюшко, ведь наверняка у такого родовитого важного вельможи имеется свита? А может, в его эскорте есть даже легендарные сабельники в синих мундирах с золотым галуном! Говорят, в столичный полк сабельников не брали дворян ниже трёх с половиной локтей¹ ростом, а те, которым посчастливилось туда попасть, все были красавцами как на подбор!

В общем, мы, пара истосковавшихся по впечатлениям наивных провинциальных девиц, с энтузиазмом принялись за сборы.

Сначала нам повезло. Причём можно сказать, повезло даже дважды. Потому что платья к лету мы обе пошили совсем недавно и теперь могли с законным моральным удовлетворением наблюдать за суетой и суматохой, охватившей большую часть женской популяции Меровена. Включая жену городского Главы, которую мы обе недолюбливали за надутый вид и любовь к нравочениям и которую промеж себя звали не иначе как «жаба крапчатая» – за странную нездоровую тягу к тканям в горошек.

Родовались ровно час, пока Леську не стукнуло:

– Эль, а какие туфли мы наденем?

Я вообще об этом не думала. Обычно, если не танцуешь на балу, то даже мысков обуви из-под пышной юбки не видно. Но тут-то балкон... а вдруг подует ветер, а я в башмаках с поцарапанными носками? Ужас какой!

Переглянувшись, мы подхватили подолы и, молясь, чтобы не опоздать, рванули в обувной магазин.

¹ Локоть – мера длины, равная пятидесяти сантиметрам.

И всё же опоздали – всё модное, относительно модное, не совсем старомодное и просто новое уже раскупили. Леська, пустив в ход хлопанье голубыми глазищами и призывный звон шёлкового кошелька, уговорила хозяина – господина Петира – пустить нас в мастерскую, может, там есть что-то подходящее и почти готовое? Ах, не совсем готовое, элегантные высокие каблуки ещё как надо не прибиты? Но зато расшитая шёлком тиснёная борнесская кожа чудо как хороша! А каблуки... ну, мы ж не на балу скакать собираемся, на бал надо надевать лёгкие туфельки для танцев, мы будем стоять на месте, опираясь о перила... Ну, ну?!

Господин Петир покачал головой, но уступил. В конце концов, не отказываться же от восьми золотых! А если клиент предупреждён об изъянах, но всё равно хочет купить, – его дело.

Вот так я и обзавелась той судьбоносной парой, которая к тому же оказалась на полразмера меньше, чем надо бы. И ведь счастлива была, идиотка такая!

За букетами нас понесло на ближайшее фамильное лавандовое поле – а что, лаванда выглядит хорошо и пахнет приятно. И срезать её проще простого... вот мы немного и увлеклись. Болтая и строя грандиозные планы по покорению и пленению сабельников, брели и брели, щёлкая ножницами, вдоль ряда, а когда спохватились, обе большие корзины оказались набиты до отказа сиреневыми тонкими душистыми побегами. Как мы их до дому-то дотащим?

Дотащили, потому что бросить было жалко.

Ввалившись в прохладную, казавшуюся полутёмной после солнечного дня гостиную Леськиного дома, без сил рухнули на диван. Отдышавшись, позвали горничную и велели той замотать охапки цветов в мокрую ткань, чтоб свежести не потеряли, поставить в воду и поместить в прохладное место. А то какая радость вялой флорой с балкона швыряться? Только пусть сначала принесёт нам большой кувшин холодного лимонада, а то устали и запарились.

– Да, нелёгкое дело – встречать гостей, – важно констатировала улёгшаяся поперёк дивана Леська.

– Нам же ещё самим готовиться, – вздохнула я.

– Хозяйка, лаванда в вазы и кувшины не лезет, больно много! – выглянула из двери горничная.

– Ну, ведро возьми, – отмахнулась Леська.

– Пробовала ведро. Тоже не лезет, – развела руками горничная. Наморщила лобик: – А можно в таз? Он, правда, мелкий, но так я на ночь воды подбавлю.

– Какой таз? – заморгала Леська.

– Медный, для варки варенья. Он не шибко глубокий, зато красивый, блестит и с ручкой.

Мы переглянулись: наверное, красивый таз лучше тривиального ведра? Невозможно же представить – стоят на балконе, улыбаясь кавалерам, две юные изысканные леди, а между ними торчит какое-то ведро! А без воды всё мигом при нашей жаре завянет!

Итак, решено, цветы будут ждать своего незабываемого часа в тазу.

А мы пока займёмся собой.

Наверное, если б Леськины родители не отъехали по делам в поместье, не зная о творящемся в городе переполохе, и если бы моя тётушка проявляла хоть каплю интереса к светской жизни, мы бы так далеко не зашли.

Но остановить нас было некому.

Наряжаться отправились в мой дом, стоявший на соседней улице. Леди Анель, как всегда после обеда, отдыхала, так что разгулу фантазии юных дев никто не мешал.

– Лесь, а балкон на юг выходит. При таком солнце мы ж все в веснушках будем!

– Гм-м... Ничего, наденем шляпки с вуалями. Так будет по-взрослому и красивее! Эй, ты чего задумалась?

– Тётя Анель говорила, что есть специальные белила от солнца, ими можно лицо намазать. Помнишь, мы читали о том, как привлекательна интересная бледность? А ещё я вспомнила про парик в гардеробной...

– Который мы мерили, а твоя тётушка нас отругала? – Глаза Леськи загорелись: – Локоны там... Все кавалеры с коней попадают! Дай надену!

– Сама надену! – огрызнулась я.

Так и вышло, что на следующий день поутру встречать на балкон прибытие Дланей Правосудия я вышла в бронзовокудром завитом парике, густо набеленная и под вуалью. Подследоватая родная тётушка меня б, на себя не похожую, при встрече на улице однозначно не признала. Пожалуй, только это и можно было назвать милостью судьбы.

Лаванду, чтобы зря не мять, горничная вынесла прямо в тазу.

– Едут, едут!

– Где, где? – вытянула я шею, привстав на цыпочки.

Рядом с весенне-лазурной мной подпрыгивала бледнолицая Левесеньера в красном платье с обильным кружевом. Ну, немножко слишком... зато так нас точно заметят! Ковры, кстати, мы на балкон повесили только с боков, так, чтобы через вязь чугунной решётки спереди можно было разглядеть и наши расшитые юбки, и новые туфли на высоких каблуках.

Возглавляли процессию конные сабельники в синих мундирах. Именно такие, как мы представляли – молодые, статные, красивые до невозможности. Один, поймав мой взгляд, усмехнулся и закрутил тёмный ус. Мне почему-то стало неловко, глаза сами собой опустились, обрывая контакт.

Главная персона – герцог Ульффрик – ехал перед чередой карет в открытой чёрной лаковой коляске вместе с городским Главой лордом Беруччи. Одет герцог был, несмотря на яркий весенний день, в чёрный камзол с золотым галуном и пуговицами, а лицо... Почему он мне сразу не понравился? И почему я послушалась Леську, толкавшую меня под локоть и шипевшую:

– Цветы, цветы кидай! А то не успеем, проедут!

Мы договорились, что высыпем всю лаванду разом, чтобы получился цветочный дождь. Я схватила медный таз, развернулась, размахнулась как могла широко, чтобы вся лаванда улетела одним махом, – и тут подломился тот самый злосчастный каблук. Чувствуя, что падаю, взвизгнула и выпустила из рук посудину, в которой, как оказалось, на дне была ещё и вода. И таз, выплеснув радужную плёнку воды, вращаясь и сверкая на полуденном солнце, по красивой дуге полетел вниз с балкона вслед за охапкой лаванды...

Бутерброды падают маслом вниз. Тазы падают дном кверху. А если близ точки падения есть чья-то голова, то и прицеливаться не надо – таз сам её найдёт. Мой отыскал безошибочно. Счастье, что не герцогскую, а всего лишь кучерскую. Я в ужасе начала пятиться назад, глядя на облитую водой и усыпанную цветами фигуру в малиновой ливрее, голову которой теперь венчал сияющий в лучах солнца скособоченный таз.

Леська ахнула.

Гнедая лошадь ехавшего сбоку сабельника заржала, заложила уши и попыталась встать на дыбы. Соседняя воронья, наоборот, шарахнулась и по-собачьи присела.

Городской Глава выпучил глаза и на всю улицу выдал длинную тираду из слов, которых благородным господам знать не положено.

Встречавшая кортеж толпа горожан радостно заулюлюкала и захохотала.

Герцог вперился злобным взором в наш балкон.

Леська уронила веер и даже не юркнула, а выпала в завешенную тюлем дверь.

А я, я – с перепугу забыв про сломанный каблук, сделала шаг назад, оступилась и плюхнулась прямо на попу с богатым турнюром. И только и смогла, что закрыть лицо веером, испуганно моргая глазами поверх кружевного края.

И почему-то, несмотря на гомон и крики толпы, цокот копыт по булыжной мостовой, я ясно, будто рядом, расслышала разговор в остановившейся прямо под балконом коляске.

– Кто такая? – совершенно спокойным холодным голосом задал вопрос герцог.

– Эльма Эл’Сиран, ваша светлость, – торопливо отозвался Глава. И заискивающе продолжил: – Это она от смущения, девочка совсем молоденькая. Она из семьи богатых землевладельцев, уже четыре века живущих в Меровене. Простите бедняжку, сирота она, живёт под опекой тёти.

– Богатые, говорите? Тётя? Не кровная родственница? Ну-ка, расскажите мне эту историю поподробнее...

С этого всё и началось.

На городской бал по случаю прибытия владетельного вельможи я идти отказалась, хоть приглашение получила. Страшно было представить, как все вокруг станут смеяться, обсуждая злополучный медный таз. И – нет, я не стану сейчас об этом даже думать! – сколько эту посудину будут поминать мне потом.

Тётушка, до которой слух о последних событиях ещё не дошёл, попыталась выпросить, что стряслось. Но я отговорила, что, мол, на солнце долго стояла, а теперь дурно так, что не до бала, голова кружится до невозможности. Да, да, мне ужасно жаль, но что же делать? Какие тут танцы и реверансы, когда на ногах еле держишься? Нет, кровь пускать не стоит... я тихонько полежу, и всё само пройдёт. Это же не последний бал?

Зря, зря я не рассказала тёте, в чём дело. Да, та отругала бы, может, даже наказала... но тогда бы для неё не стало неожиданностью внезапное приглашение в особняк городского Главы. И тётя была бы готова к разговору. А я, всю ночь провертевшаяся на кровати без сна и задремавшая лишь под утро, и понятия не имела, какие тучи сгущаются над моей неразумной головой.

Гром грянул, когда я вышла к обеденному столу, а тётушка Анель вернулась из дома лорда Беруччи, где остановился важный гость.

На достойной леди не было лица.

Буквально. Интересная бледность безо всяких белил. Такой я ещё тётю не видела. А та уставилась на меня с непонятным жалостливым и беспомощным выражением на лице:

– Эль, деточка моя глупая, что ж ты натворила и почему не сказала мне? – вздохнув, уронила на пол вышитый бисером изящный ридикюль и упала в кресло сама. Обернулась к вошедшему следом кучеру, а по совместительству мажордому Тоду: – Никому не открывай! Если спросят, леди Эль больна, прямо при смерти, мы ждём лекаря. Да, пошли кого-нибудь за доктором Летиром!

Я – при смерти?

Ну да, спала ночью я плохо, зато позавтракать успела хорошо. И вроде ничего ядовитого не глотала. Больше похоже, что умирать – прямо здесь и сейчас – собралась сама тётя Анель. Что с ней?

– Я от нашего главного городского взяточника и казнокрада, – будто услышав мой вопрос, поджала губы тётя. – Только дело не в нём. Пойдём к тебе в комнату, поговорим! – Обернулась: – Тод, как придёт доктор, проводи его к нам.

Что же случилось?

Почему-то казалось, что нечто очень серьёзное.

Я угадала. Даже не серьёзное – фатальное.

Длани Правосудия Владыки всея Сорренты, герцог Ульффрик Тауг Эл'Денот не собирался прощать безмозглую криворукую наивную перепёлку, принародно нацепившую его кучеру на голову таз. Тем более что перепёлка оказалась на диво жирной, то есть перспективной в плане ошипывания и потребления в том или ином виде. А в том, что его светлость с данными Владыкой полномочиями, влиянием и связями и меня, и тётю пережует и косточки выплюнет, сомнений не возникало. Это понимала даже я. Наивная и неопытная – не значит дура.

– Эль, ну-ка, расскажи мне, и очень подробно, что вчера произошло? – строго обратилась ко мне тётя, не успели мы присесть на край кровати под кисейным балдахином.

Я заёрзала. Потупилась. Натянула на коленях подол. Сжала кулаки. Случись такое с кем другим, я б ухихикалась, живописуя происшествие. Но сейчас отчего-то было совершенно не до смеху.

– Дырку глазами в подоле просверлишь. Давай уж!

– Мы хотели букеты с балкона бросать, а вместе с цветами улетел таз. Потому что подломился каблук, – выдавила я краткую версию происшедшего.

– Понятно. То есть покушения на жизнь и честь Дланей Владыки вы не планировали? Кстати, вы – это ты и Левесеньера Эл'Легарт?

Какого покушения? И как кого-то можно убить медным тазом? Разве что его булыжниками вместо цветов нагрузить... но такой и не выронишь, потому как не поднимешь. Но, выходит, меня обвиняют в каком-то покушении? Мама... во что я влипла?

К слову, то, что Леську называли полным именем, не значило, что тётя на неё сердится. Просто до того, как стать вдовой, она почти двадцать лет была женой моего дяди, уважаемого судьи, причём жили они в Кентаре, большом городе на полпути к столице. И по-женски любопытная леди Анель, обнаружив неженские острый ум и деловую жилку, не стеснялась ходить в суд и давать облечённому властью мужу советы. К которым тот охотно прислушивался. Потом, когда лорд Филинг Эл'Сиран решил отойти от дел и отправиться на покой, они с леди Анель перебрались в Меровен, поближе к остальным родственникам. Кстати, и тут, пока дядя был жив, он, точнее, супруги вдвоём вели дела самого разного толка. Недаром целую стену в гостиной занимал стеллаж с книгами в потёртых тёмных кожаных переплётах. Я по совету тётки их читала. Сначала бурчала под нос, зевала, а иногда жульничала, подкладывая под талмуд с описанием судебных тяжб любовные романы, которые девице с ветром в голове казались намного занимательнее. Но с какого-то момента, примерно года полтора назад, до меня дошло, что распутывание дел о наследстве или делёж земли, когда половина свидетелей врёт, причём сразу и не скажешь – какая именно, намного интереснее выдуманных историй идеальных дев и безупречных лордов. Уж очень те все были подозрительно одинаковые: временами казалось, что прочёл одну книгу – прочёл все. Правда, тётя строго-настрого велела никому не говорить, что я вместо романтических сказок, чтение коих приличествует юным леди, жгу свечи до утра и хихикаю, а иногда и ржу во весь голос, разбирая очередной судебный казус или выискивая несуразность в заковыристом деле.

– Так, поняла, – кивнула леди Анель. – Твою любимую Леську предлагаю не впутывать, это не поможет. Потом я тихонько возьму у неё свидетельские показания и заверю у нотариуса. Вдруг пригодится. – Тётя вздохнула: – Жаль, у её родителей связей нет. Но покушение – лишь повод, дело не в нём, а в том, что ты – несовершеннолетняя с богатым приданым. Что глазами хлопаешь? Герцог хочет стать твоим опекуном и – зуб даю – за оставшиеся до твоего восемнадцатилетия семь месяцев наследство уполовинится, а ты окажешься замужем за каким-нибудь проигравшимся столичным хлыщом или старым пердуном, который заплатит побольше.

– Как – опекуном? – заморгала я.

– Так. Я тебе не кровная родственница, кровных не осталось. И, как оказалось, с обязанностями опекуна не справляюсь. Воспитываю плохо, надлежащим образом не учу, вследствие чего и впоследствии то покушение и оскорбление должностного лица Владыки при испол-

нении оним служебных обязанностей. Чуешь, куда ветер дует? А если стану артачиться – это мне сказали прямым текстом, в лоб, – делу дадут официальный ход. И, если доказать отсутствие злого умысла не сумеем – а кто против всемогущего герцога пойдёт, не наш же Глава, у которого самого рыльце в пушку по самую макушку? – светит нам обеим конфискация имущества и чуть ли не каторга. Леди головы после указа папаши нынешнего Владыки не секут, но от того не легче.

Тётя Анель закусила губу, плечи задрожали...

Ох, что же я, романтическая косорукая идиотка, наделала! Если бы я хотя бы сразу сказала о том, что случилось!

А теперь, как ни верти, моё будущее накрылось медным тазом.

Глава 2

Незнание законов не освобождает от ответственности.

А вот знание – нередко освобождает.

Е. Лец

Всё, что сумела совершенно не готовая к разговору с герцогом тётя Анель, – это добиться трёх дней отсрочки, пока «переволновавшаяся девочка, которая мечется сейчас в горячке, не придёт в себя». Моей смерти до перехода к нему опекунства Длани не желали, с дохлой чужой перепёлки взять нечего. Но горячку и беспамятство предстояло подтвердить доктору.

– Так, быстро встала, разделась, влезла в постель! – скомандовала тётя.

Ясно. Если заглянет один доктор Летир, то проб-лем не будет, потому что когда-то дядя Филинт спас того от ростовщиков, а старичок доктор относился к редкой породе людей, долго не забывающих сделанное добро. Но если герцог пошлёт кого-нибудь проверить моё состояние или – вот ужас! – зайвится поглядеть на добычу сам?

Только плохо он знает мою тётю...

Меньше чем за полчаса в моей комнате сменили шторы – теперь окна загоразивали тяжёлые бархатные портьеры, не пропускавшие к постели недужной меня и лучика солнца. Я сама, в фишашкового цвета балахоне под подбородок, снова перемазанная белилами, создающими интересную бледность на цветущей физиономии, с синюшными, опять-таки искусственного происхождения кругами под глазами, красными припухшими веками и имитирующим запёкшуюся корку воском на губах, улеглась в кровать на спину, изображая свежую покойницу. Правда, не успев лечь, снова вскочила с воплем:

– Парик!

Тётя, в это время отправлявшая к знакомому нотариусу Тода, который вернулся от доктора, чуть не поперхнулась. Но после моих разъяснений задумалась...

– Не знаю, хорошо ли то, что ты на себя похожа не была... но пусть пока так. Дополнительные возможности лишними не бывают.

Так к моей маскировке добавилось то самое бронзовокудрое изрядно встрёпанное чудо куафёрского искусства, и – до кучи – чело мне увенчали мокрым полотенцем.

– Уф! Сейчас сама умру... – тётя присела рядом. Огляделась: – Нужен кувшин с водой на тумбочку, пяток пузырьков с разными микстурами и полупустой стакан. Ещё можно повесить на спинку стула клизму.

Почувствовала, как краснею под белилами. Клизму-то зачем напоказ выставлять, стыдно же!

– Затем. Такая гадость! На неё как взглянешь, так ноги сами вон из комнаты несут, – прищурилась тётя. – Ты тут зря не разлёживайся, думай, что делать будем!

К этому моменту я уже осознала, что, скорее всего, из загребущих дланей герцога мне не вырваться. Откажусь – будет плохо и мне, и тётё. Может быть, даже хуже, чем если соглашусь... хотя кто меня спрашивает? Правда, перспективы пугали. Опекунство с устройством брака несовершеннолетних подопечных в нашем королевстве было обычным делом и – для опекунов – законным и освящённым традициями способом набить мошну. Только почему-то среди вступающих таким образом в семейную жизнь лордов молодые, симпатичные и богатые не фигурировали.

Вот же накликала я себе перемен! И на голову, и на остальные части тела...

Но – стиснула зубы – смиряться не собираюсь, не знает ещё этот герцог, с кем связался! Я этому гаду длани загребущие повыкручу...

– Эль, не сопи так! Тебе положено дышать на ладан. Да, не дёргайся, сейчас водичкой на тебя побрызгаю, будет вроде как пот.

– Только осторожнее, чтоб белила не поплыли, – забеспокоилась я.

– Скорбь, скорбь на лице изобразить не забудь! И глаз не открывай! О, кто-то вроде пришёл.

Ну да, вдали тоненько зазвенел дверной колокольчик.

– Эль, зажмурься! – скомандовала шёпотом тётя, услышав приближающиеся шаги. – И молчи, что бы ни происходило! Дыши часто и неглубоко, помнишь?

– Поняла! – зашипела в ответ, сжав – самообладания не хватало – под одеялом кулаки так, что ногти впились в ладони.

Хлопнула дверь. Я замерла.

– И где ваша больная? – раздался безжизненный голос, знакомый по событиям вчерашнего злополучного дня.

Герцог! Надо же, сам явился, на добычу посмотреть. Небесный Владыка и Девы-Заступницы, что делать-то?

Я до последнего момента уговаривала себя, надеялась, что тётя Анель что-то неверно поняла, ведь не может же быть так – уронил случайно таз и вся жизнь кувырком! Но, похоже, может.

Шаги – кажется, вошедших было двое – смолкли. Где-то совсем рядом громко недовольно хмыкнули и приказали:

– Занавески раздвиньте!

– Не-ельзя-с занавески, – послышался чуть блеющий голос доктора Летира. – От яркого света возникает возбуждение, способное привести к припадку, который, от периферической нервной системы перейдя по позвоночному столбу к центральной и затронув мозжечок, перекинется на лобные доли, отвечающие за разум больной...

– Девы-Заступницы, – запричитала тётя, – ваша светлость, простите бедное дитя неразумное, сами видите, как она страдает и мучается! Под утро такой жар был, что думала, теряем мы её...

– Ваше дитя меня вчера чуть не прибило! – голос был бесцветным и одновременно ехидным. – Ладно, не трогайте шторы, раз на свету у вашей «деточки» ум за разум заходит. Про-верим по-другому...

Хорошо, что я держала кулаки сжатыми так, что было больно. Иначе б точно дёрнулась, когда внезапно под нос сунули жутко вонючую и едкую нюхательную соль. Но как-то же я должна среагировать? А как? Ну, быстро, быстро, соображай! Чуть дёрнула головой, слабо застонала и впилась ногтями в ладони так, что глаза непритворно набухли слезами. Мотнула головой ещё раз – и почувствовала, как по щеке покатилась слезинка. Ой, а она белила не смоеет?

Снова послышалось недовольное «Хм!», а потом – после недолгого молчания – герцог сообщил:

– Даю три дня. Делайте что хотите, но к этому моменту девица должна быть в состоянии проследовать из Меровена в Кентар, где находится моя резиденция. А вы... – Возникла тяжёлая пауза, словно герцог кого-то глазами буравил. Это он к кому обратился? К доктору или к тёте? – ... когда подпишете бумаги о передаче опекунства?

К тёте. Может, приоткрыть один глаз, посмотреть? Нет, удержусь, опасно.

– После того, как Эль придёт в себя. Я должна сказать ей всё сама. А если она умрёт от горячки – сами же видите, в каком девочка состоянии! – то и подписывать ничего не стану! – Голос тётя звучал решительно. – Так что дайте возможность лечить ребёнка как следует.

Снова наступило молчание. Наверное, сейчас герцог прокручивает в голове, как можно надавить на тётю. Ответ – никак. Её на том балконе не было.

– Хорошо. Я пробуду в Меровене неделю. Даю вам пять дней, леди Эл’Сиран.

– Благодарю за милосердие, ваша светлость!

Зашуршали юбки, похоже, тётя присела в низком реверансе.

Когда тяжело хлопнула дверь, я поняла, что всё это время почти не дышала.

– Молодец, что выдержала и не стала подглядывать, – выдохнула тётя через минуту. – Он отвернулся, но встал так, чтобы наблюдать за тобой через зеркало.

Девы-Заступницы, во что я влипла?

Через полчаса доктор Летир, навывисывавший лекарств и сочинивший мудрёный диагноз, грозивший мне эпилептическими припадками, буде недолечусь, удалился. Кстати, добрый старичок своими глазами видел полёт моего таза и, подхихикивая, искренне негодовал, не понимая, как такое вот курьёзное недоразумение можно счесть покушением. Вот так и можно, если покушавшаяся – девица при большом приданом.

Не успел уйти доктор – как пожаловал нотариус, господин Вельемир. Также бывший дядин друг, которому, как считала тётя, можно верить.

Совещание по поводу моего имущества и того, как его уберечь от загребущих Дланей, длилось почти три часа.

Господин Вельемир иллюзий по поводу чистоты помыслов знатных и власть имущих не питал и тоже полагал, что вероятной целью герцога было богатое наследство, куда тот запустит лапы, лишь только получит опекунство. А с тем, что останется, выдаст, точнее, продаст, меня замуж. Поимев дополнительную прибыль. Вот только положение дел таково, что если заявить в лоб: «Нет, не пойду!» – можно сделать ещё хуже. И пойти уже не замуж, а под суд, который – будем реалистами – наверняка закончится плачевно.

– Эль, ты мне доверяешь? – уставилась на меня тётя.

Кивнула. Ну да, если не ей, то кому?

– Тогда первое, что делаем, это перекладываем все твои деньги, лежащие в банке, на другой счёт, открытый на моё имя. Основанием для этого послужит старая расписка твоего отца, которому я когда-то якобы одолжила денег. Расписку сейчас состряпает господин Вельемир, а о подписях позабочусь я сама. – Тётя повернулась к внимательно слушающему господину Вельемиру, чуть кокетливо склонила голову: – Выручишь?

Нотариус подмигнул. Тётя шлёпнула его по руке веером и продолжила:

– А чтобы не вышло так, что я споткнусь на крыльце, стукнусь головой и отправлюсь к Девам на небеса, а ты останешься нищей, одновременно пишем на твоё имя встречную долговую расписку на всю сумму – это около тридцати тысяч золотых. Срок погашения долгового обязательства назначим в следующем январе. Допустим, через месяц после твоего совершеннолетия. Согласна?

Я кивнула, одновременно прокручивая в голове комбинацию. Делаем вид, что тётя дала деньги родителям и не спешила требовать их назад, потому что я осталась сиротой и жила рядом, но сейчас, раз я ухожу из-под её опеки, долг надо вернуть. А что это и не долг вовсе, будем знать только мы. И, что бы дальше ни случилось, эти деньги через восемь месяцев возвратятся ко мне. Герцог Ульффрик до них не доберётся.

– Если напишем долговую на сумму посolidнее, можно обременить залогом какую-нибудь недвижимость, скажем, ваш дом, – задумался нотариус. – Тогда особняк будет невозможно продать.

– Хорошо, – согласилась тётя. – Дом и один из оливковых садов. Но не зарываемся, герцог не идиот и доверчивостью не страдает. Где-то в старых бумагах я подходящий кусок пергамента видела. А чернила разведём, чтобы выглядели чуть выцветшими...

Нет, ну я знала, что тётя – умная женщина, но какая она молодец! Я тоже хочу, дожив до её лет, иметь друзей вроде доктора Летира и господина Вельемира.

– Сейчас с этими бумагами закончим, как раз заложат коляску – и едем в Южный Сельскохозяйственный банк. Тот ещё два часа работать будет, отлично успеем.

Вообще-то банков, точнее, отделений банков, в Меровене было целых два: упомянутый среднеразмерный Южный Сельскохозяйственный и Центральный Фалерийский. Второй имел филиалы не только в Сорренте, но и в соседних странах – лежащей от нас к югу за горами Вермилье и восточном Gearсе. Тётя предпочитала иметь дело с местным, потому как на Фалерийский, по её словам, случись что, сам Владыка всея Сорренты управы не найдёт.

Гм, а там, где Владыка не справится, герцогу и вовсе ловить нечего.

Мне кажется, или в этой мысли есть рациональное зерно?

Проговорила вслух. Тётя с нотариусом задумались, уставившись друг на друга, а потом дружно подскочили в креслах, одновременно выдохнув:

– Оформляем заём!

Эк они синхронно! Но сама мысль была интересной.

Как известно, займы берутся под залог. И, пока за взятое не расплатишься, залог отчуждению – то есть продаже, дарению или смене собственника по другим основаниям – не подлежит. Нельзя также один раз заложенное имущество перезаложить вторично. Конечно, желающие смошенничать находились всегда, но наказание по соррентийским законам за такое было достаточно суровым.

– Берём заём под залог имущества до твоего совершеннолетия, – обернулась тётя. – Что хочешь спасти в первую очередь?

Ясно, что: конезавод с угожьями, бывший фамильной гордостью и главным достоянием рода Эл'Сиран почти три века, а ещё, если выйдет, оливковый сад, который больше всего любила мама.

– Сумма нужна такая, чтобы было не подкопаться и сделку не объявили фиктивной, – качнул головой нотариус.

– Но такая, чтобы заведомо суметь вернуть долг. В поручители пишем меня. Тогда, если даже Эль будет не в Меровене, я расплачусь своевременно, – подхватила тётя.

– Откройте счёт на долг с процентами в другом банке и дайте поручение перечислить деньги в срок. С запасом времени, конечно. Тогда, что бы ни случилось, залог вы не потеряете.

– Само собой.

– А полученную сумму куда деть, подумали?

– Потратить деньги – для настоящей леди не проблема! – победно усмехнулась тётя. – Пустим на приданое, развитие отечественного коневодства и ещё кой-какие мелочи!

По мере составления документов я их подписывала. Все, кроме фальшивой долговой расписки. Связано это было с тем, что по соррентийским законам распоряжался имуществом подопечного опекун, но начиная с шестнадцатилетия воспитанник считался ограниченно дееспособным и имел право знать, как происходит управление его собственностью, и, более того, должен был самолично визировать все сделки на сумму больше ста золотых.

Даты, само собой, ставили задним числом – сейчас я лежала в горячке.

– Ну, вот мы тебя и обобрали, – чуть нервно хихикнула тётя час спустя. – Можно отправляться по банкам! Тебе на людях показываться нельзя, так что сиди тут и думай – что мы забыли?

– Леську! – спохватилась я.

– А, – махнула рукой тётя, – я твою Левесеньеру на обратном пути от Беруччи уже предупредила, чтоб стрелой летела к родителям и передала, что в город семейству Эл'Легарт можно

будет вернуться не раньше, чем через десять дней. Пусть тихо сидят в поместье, коли не хотят этого поместья лишиться.

– А если мне тоже сбежать? – загорелась я. – Ведь если меня не будет под рукой, то есть под Дланью, то и замуж будет выдавать некого! Заочных же браков у нас нет? Мне же всего семь месяцев продержаться надо!

– Юная леди, ты каким местом читала Гражданское право Сорренты? Не помнишь статью триста семнадцать, пункт третий? – Тётя, наставив лорнет, строго уставилась на меня.

Я потупилась: ой, совершенно не помню ничего такого, у меня же пока нет двадцатилетнего опыта судебной практики...

– Так вот там сказано, что если опекун назначен Короной, а подопечный, явив бунтарский дух, неуважение и неподчинение законной власти, сбежал, то по наступлению совершеннолетия всё имущество преступника переходит Короне. Напоминать, что Длани Владыки – прямой представитель оной, – надо?

Не надо. Поняла.

Но это не значит, что я смирилась. Буду думать... может, что и придумаю. Есть пословица, что волку непросто догнать зайца, потому что для волка приз в гонке обед, а для зайца – жизнь.

К моменту, когда на Меровен опустились синие сумерки, а из-за гор, серебря листву олив, выплыла рыжеватая крупная луна, тётя вернулась из похода по банкам. Мероприятие оказалось успешным: теперь я была с ног до головы в долгах как в шелках и чувствовала себя нищей церковной мышью, накрывшейся тем самым злополучным медным тазом.

Было страшновато, но злорадство присутствовало. Трофейная перепёлка тощала и чахла на глазах.

Но что делать дальше?

Тётя тоже об этом размышляла. Изображать горячку целых полгода вряд ли выйдет. А если и выйдет – так объявят слабоумной, и тогда Живоглот, как успела прозвать тётя герцога, сможет претендовать на пожизненное опекунство.

– Почему живоглот-то?

– В Ольсиве, откуда я родом, речка текла, а в ней сомы водились. Их у нас живоглотами звали за то, что заглатывают мальков и рыбок поменьше целиком. Видела, какой у сомов рот? Видела. Губастый и зубастый. А что, похоже!

Кстати, тётя рассмотрела герцога намного лучше меня, лицезревшей его всего раз, с балкона. А вид сверху на сидящую особь искажает перспективу.

– Не так уж и искажает, – усмехнулась леди Анель, – ноги у их светлости коротковаты. Рост немного ниже среднего, манеры на первый взгляд великосветские, вот только после ухода герцога Верна пожаловалась, что её, честную девушку, Длани в тёмном коридоре за мягкое место ущипнули.

Верной звали нашу горничную.

– Возраст, думаю, за сорок. Лицо... глаза светло-серые, холодные. Рот как у сома. Кстати, небольшие усики наличествуют. А если спрашиваешь о характере, то, как мне показалось, герцог неглуп, крайне властолюбив и беспощаден. Жаден ли он или золото – лишь средство для укрепления власти, не знаю. Но то, что, судя по всему, этот паук ещё и сластолюбив – уверенности в твоём счастливом будущем не добавляет.

Ужас какой!

И что делать? Покорно идти на убой нельзя, перечить нельзя, сбежать тоже нельзя.

– Впору у высших сил защиты просить! – вздохнула облачённая в персиковый капот тётя Анель, когда, два часа поломав головы, мы так ничего и не придумали.

Я уставилась на неё. Высших сил?

К посещению Храма леди Анель относилась прохладно, объясняя отсутствие рвения тем, что ни разу за двадцать лет не видела, чтобы горячие молитвы помогли разрешить судебную тяжбу. Ну да, я тоже отродясь не слыхала, чтобы небесные Девы помогли вытащить из грязи телегу, каким бы набожным ни был возница.

Но что-то в высказывании тёти меня зацепило... Да, вот, поняла!

Было в роду Эл'Сиран семейное предание о жившей три с лишним века назад леди Фейли Эл'Сиран, той самой, которая вывела золотых меровенцев. Леди Фейли считалась заступницей семьи, помогавшей в тяжёлые или смутные времена. Правда то или нет, было неизвестно, но в гостиной среди прочих портретов висела потускневшая парсуна одетой в старинное платье сероглазой черноволосой дамы с решительным подбородком, а на городском кладбище стоял потемневший от времени склеп. Кстати, глаза и подбородок я унаследовала. А вот волосы были русыми.

Может, то лишь легенда... но времена у нас, несомненно, наступили тяжёлые. И кроме как к духу моей прапрапра... – кстати, а сколько «пра-» там за триста лет набежало? – и обратиться не к кому.

Только куда идти просить совета – к портрету или в склеп? Наверное, в последний.

А выходить днём мне нельзя, я же при смерти в горячке.

Получается, лежит мой путь ночью на кладбище...

Глава 3

*Бывает три вида прогнозов:
Предсказание того, что всем хочется. Чтобы обнадёжить.
Предсказание того, что никому не хочется. Чтобы поугагать.
И предсказание того, что на самом деле будет. Чтобы всех
рассмешить.*
С. Янковский

– Знаешь, может, в этом что-то есть... – задумчиво протянула тётя. – Филинт мне рассказывал, как его отец, которому предлагали очень выгодную на вид сделку, просил совета у духа. И ему приснился сон, что лезть в это дело не стоит. Лорд Киар отказался и, как позже выяснилось, тем спас состояние. Филинт, – мечтательно улыбнулась, – вообще всякую чертовщину любил.

– Тогда прямо сейчас и пойду, – решила я.

– Ночью?!

– А когда – днём?

– Ну да, днём нельзя... – задумалась тётя. – Ладно. Только нужно позвать Тода, пусть проводит.

– Не надо Тода, тот топаёт. А я быстрая. Штаны надену, которые в деревне носила, и, если что, убегу. А Тода лучше на конюшни отправь. Надо сказать управляющему, чтобы завтра прямо на заре угнал всех кобыл и племенных жеребцов в горы. На всякий случай.

– Умно. Я б на месте герцога точно захотела разжиться упряжкой меровенцев, – кивнула тётя. – То-од, иди сюда!!!

Ну да, ночной поход на кладбище решает все проблемы! Свернёшь шею – и думать больше ни о чём не надо.

С другой стороны, после запредельной ночной жути – стонов ветра в кронах пиний, прочерчивающих неверную тропу чёрных, выглядевших бездонными провалами теней от надгробий, внезапно загоревшихся в темноте чьих-то красных глаз – я долго уговаривала себя, что, наверное, это просто бродячая собачка погулять вышла, одновременно озираясь и прикидывая, на какой надгробный памятник, если чего, полезу спасаться – в общем, после такого все мирские неприятности долго будут казаться сущей ерундой.

Пока добралась до отдельно стоящего на семейном участке склепа леди Фейли, прокляла себя за бредовую инициативу сто тридцать три раза теми самыми словами, которые благородной девице знать не положено. То, что кладбище располагалось на склоне каменистого холма, путь не облегчало. Но я дошла.

А дальше-то что делать?

Спустилась по трём ступеням к чёрной в лунном свете двери. Потянула ручку – не открывается. Подёргала сильнее – никакой реакции. Повисла всем весом – дверь скрипнула, но не двинулась. Неужели заперта? Обычно склепы стояли открытыми – взять, кроме костей, там было нечего. А кости в добропорядочном Меровене не пропадали. Неужели зря шла?

Фейли, моя прапрапра... – за что ты так? Мне и вправду нужен совет!

С досады, напоследок, пнула ногой дверь – и та приоткрылась! Я, умница такая, пыталась тянуть на себя створку, которая распахивалась внутрь.

Внутри было черным-черно. Масляную лампу я с собой взяла, но решила не зажигать без острой надобности. Свет виден издали, а песни что-то празднующих сабельников слышались по всему Меровену. Попробую обойтись без лампы.

Вытянув вперёд руку, ступила в чернильную тьму. Сделала шаг... другой... Закончилось всё плачевно: когда под ногой что-то неожиданно громко хрустнуло, от испуга я подпрыгнула, а приземлившись, оступилась – и въехала лбом прямо в стену, встречи с которой пыталась избежать. Перед глазами красиво закружились и заплясали звёздочки...

А ещё слышалось, будто кто-то тихо засмеялся.

Мама! Да я выйду отсюда седой!

Зажмурилась – всё равно ни зги не видно – и дрожащим голосом проблеяла:

– Фейли Эл’Сиран, я, Эльма Эл’Сиран, твой прямой потомок по крови, прошу: помоги, дай совет!

А теперь что?

Что вообще должно в таких случаях происходить? Явится белый полупрозрачный призрак с цепями и юридически грамотной рекомендацией? Раздастся голос в голове? Или не раздастся, потому как в ушах звенит?

Снова почудился далёкий смех... Не, точно, я тут спячу. И за кого меня замуж выдадут или не выдадут, мне уже будет без разницы. Стану сама хихикать, а по ночам подвывать...

Подождав ещё немного, решила, что пора из склепа выбираться.

Может, мой вопрос такой, что на него ответа и нет вовсе?

Идти к дому было легче, потому что луна светила в спину, высвечивая препятствия и неровности впереди. И сабельники уже притомились голосить и затихли...

Тётя меня ждала. С кружкой горячего грога и кучей вопросов.

– Ну как? Как?

Я пожалала плечами:

– Не знаю. Спать хочу...

– Умойся только. Ой, Эль, а что у тебя на лбу? Откуда шишка?

Понятное дело, откуда: с кладбища. Впрочем, ответа тётя и не ждала, наоборот, пока мазала мазью мой пострадавший лоб, поведала, что зря время не теряла и набросала список бывших дядиных друзей или клиентов, для которых тот выиграл дела, к которым можно попробовать обратиться в Кентаре. Потому что если меня туда увезут, она тут тоже не останется.

Если честно, я была рада.

Утром к нам очень удачно зарулил какой-то хлыщ из свиты Дланей, которому герцог поручил проверить моё состояние. Тётя успела нахлобучить на меня парик, а больше ни о чём и заботиться не надо было – после ночного кладбищенского променада я сама выглядела страшнее и дохлее любого упыря.

Но сон этот тип мне перебил. Хоть плачь – помню только, снилось, что снова бреду по дороге, освещённой луной, и голос: «Стань своею тенью!»

Но это же не может быть советом, которого я просила?

Что значит – стань тенью?

Приятно одно: стать покорной овцой и смириться с неизбежным мне не советовали. И на том спасибо. Но как можно превратиться в тень?

Тётя тоже не знала.

Интересно, предсказатели, призраки, разные авгуры и пифии не могут выразаться яснее или просто издеваются? Подозреваю, что последнее.

Но, если мыслить логически, тень – противоположность свету. То есть мне посоветовали делать что-то скрытно, тайно. Как-то схитрить, обмануть, ввести герцога в заблуждение. Это казалось разумным – силой или прямым столкновением тут явно ничего не решить.

В то же время речи о том, чтобы сбежать, потеряв наследство, а то и родовое имя, вроде бы не было. Между прочим, стоит взглянуть на ту статью триста семнадцать, пункт третий, что именно там написано?

Увы, оказалось, тётя права: воспитаннику полагалось жить там, где укажет назначенный Короной опекун или же у того на глазах, являть прилежание и послушание, а бегство или неповиновение могут стать поводом для лишения воспитанника статуса верноподданного и наследства.

Вообще, жуткий закон, если вдуматься. Собирай по Сорренте состоятельных сироток, а потом, прикопав скопом в ближайшей яме поглубже, объявляй сбежавшими... Интересно, когда он появился? Оказалось, при нынешнем Владыке, Ронгедэ Третьем. А кто его предложил? Отчего мне кажется, что я лично знакома с автором данной дивной законотворческой инициативы?

Так как мне ухитриться ужиться с этим пауком рядом, выполняя поручения и выказывая послушание, и не оказаться непонятно за кем замужем?

Голова уже трещит... пойду прилягу.

Часто именно на грани сна и яви, когда уже уплываешь в дрёму, но ещё осознаёшь себя в реальности, приходят неожиданные мысли или решение мучивших задач.

Откинувшись на подушку, я размышляла о тени, снова пытаюсь понять, что имелось в виду. Закрыла глаза и стала вспоминать прошедшую ночь, как иду по дороге, внимательно – чтобы не споткнуться – глядя под ноги. В обманчивом лунном свете маленькие камушки способны отбрасывать длинную тень, притворяясь серьёзными препятствиями, а яму можно не увидеть, пока не упадёшь. Мои ноги – из практических соображений я надела штаны, в которых ездила верхом, – тоже кажутся ужасно длинными и нелепыми, а голова – несоразмерно маленькой. Руки смешно размахивают, то укорачиваясь, то удлиняясь, и вообще похоже, что это тень не юной леди, а какого-то неловкого подмастерья, после пирушки с друзьями бредущего домой.

Подумала – и подскочила на кровати.

Неужели вот оно – решение?

Показалось, что вдали, на грани слышимости, кто-то рассмеялся...

– Ты хочешь сказать, что собираешься переодеться молодым человеком и затесаться в свиту герцога? Эль, кажется, ты стукнулась головой сильнее, чем я думала. Даже если ты устроишь такой маскарад, куда денешь косы и почему считаешь, что лорд Паук примет тебя на службу?

Ну да, детали плана я проработать ещё не успела... Но в себя верила: ведь наивная и неопытная – не значит глупая!

Кстати, второе имя герцога – Тауг, мы, сами того не заметив, переименовали в «Паук». Как-то это прозвище подходило их светлости даже больше, чем тётин «сом-живоглот».

Итак, решаем вопросы по мере поступления. С моими тёмно-русыми, с золотистым отливом косами, очевидно, придётся распрощаться. Было ли жаль? Несомненно. Я, как, наверное, всякая девица, гордилась плащом волнистых мягких волос, которые лелеяла с детства, расчёсывала ежевечерне щёткой сто раз, полоскала душистыми травами. А сейчас ради спасения головы, на которой росла эта красота, собиралась безжалостно обкорнать выше лопаток. И, мало того, выстричь – причём намеренно кривую и неровную – чёлку до бровей, как носили мальчишки. Выпутаюсь из этой истории – снова отращу. А не выпутаюсь – пусть навязанный муж морщится и плюётся, глядя на облезлую овцу.

Кстати, доктор Летир может написать мне справку, что расстаться с косами пришлось из-за мозговой горячки, в которую бедная я впала от расстройств. Известно же, что питание

волос оттягивает на себя кровь от мозга, даже поговорка насчёт «волос долог – ум короток» имеется. Не важно, что я прекрасно знаю, что это лишь предрассудок. Предрассудками удивительно удобно объяснять и оправдывать что угодно.

Тётя всплеснула руками и пришла в ужас. Потом поразмыслила пару минут и изрекла:

– Не стригись до того, как не продумаем и не устроим всё остальное. А после используй настой ржаного хлеба, хмеля или пиво, чтобы полоскать волосы. Им это полезно, а выглядеть станут грубее и толще.

Ладно, сначала обмозгуем остальное. С одеждой особых проблем быть не должно – мужская мода с шейными платками и свободными рубашками была на моей стороне.

– Имя! – Тётя забарабанила изящными пальчиками по полированной, розового дерева столешнице. – Ты понимаешь, что всё сработает, только если ты будешь служить под настоящим именем?

– А-а? – Я, засмотревшись на белые персты с розовыми ноготками – руки тёти и в зрелом возрасте были на диво хороши – пропустила мимо ушей вопрос.

– Имя, говорю. Как с ним поступим?

А, ну это просто. Знать в южных областях Сорренты, возможно, по примеру лежащей за горами Вермильи, не скупилась на имена своим отпрыскам. Если в качестве фамилии выступало имя рода, обычно связанное с названием какого-то землевладения, – префикс «Эл'» означал банальное «из», то имена нанизывались гирляндой. То, что нравилось матушке, батюшке, дедушке, бабушке, а ещё в честь пары выдающихся предков и какой-нибудь избранной Девы-покровительницы, отчего в мужских именах встречались женские части и наоборот, и так до дюжины. Существовал анекдот, как знатный вермилиец просится на постоянный двор укрыться от дождя. «Кто там?» – спрашивает хозяин. И путник начинает представляться: «Агнус Бертран Верен Грациан Диамин...» «Нет! – перебивает хозяин. – У нас столько народа не поместится!»

Фамилии могли тоже меняться, если дворянин, лишившись одного поместья, приобретал другое.

Я исключением из этого правила не была, хотя полное имя значилось только в семейной книге с родословным древом Эл'Сиран. Даже в большинстве официальных бумаг по негласному соглашению, можно даже сказать, коллективному заговору писарей и нотариусов, обычно упоминались первые два, максимум три имени.

– Эльма Олетт Геарис Сафир Тъери... – начала перечислять я. – О! Тъери подходит, оно же мужское! Значит, могу быть Тъери Сиран.

Сиран называлась когда-то принадлежавшая нам деревня близ фамильного конезавода. И, кстати, я действительно была оттуда родом.

– Ну, хорошо, допустим, стала ты мальчишкой. Но как попадёшь на службу к герцогу?

– Как думаешь, он наших лошадей захочет?

– Несомненно, – сморщила леди Анель нос. – Не себе, так продать.

– Я тоже так думаю, – согласно кивнула я и хищно ухмыльнулась: – А у нас есть Фарш!

Тётя, уловив идею, захихикала. Ну да, наверное, глупо смеяться, когда, метафорически выражаясь, земля под ногами горит, но иногда только это и остаётся. И, кстати, помогает.

Фаршем прозвали трёхлетнего мерина на редкость придурковатого нрава. Вообще-то, по паспорту с родословной не короче моей кличка звучала как Ферраш, но своё выражающее общую мечту работников конезавода прозвище Фарш честно заслужил, достав до трясушки и скрежета зубовного всех, кто хоть однажды имел с ним дело. Внешне конь был потрясающе хорош, вот только тренера от попыток выездить эту непарнокопытную скотину тоже трясло и колотило нервной дрожью. Почему до сих пор Фарш и не был продан. Репутация «золотых

меровенцев» как необыкновенно красивых, но в то же время отлично выезженных и идеально послушных лошадей стоила дороже прибыли от продажи одного мерина.

Управляющий ломал голову, пытаясь придумать, куда деть дорогую, но абсолютно неликвидную живность, которая кусается, лягается и боится гусей, – неведомо почему Фарш игнорировал других лошадей, коров, овец, собак, кошек, ворон, кур, но шарахался, выпучив глаза, завидев гуся. Оставалось смутно надеяться, что с возрастом мерин уймётся.

Но сейчас Фарш мог сослужить службу. Посторонний конюх или кучер с дурноезжей животиной не справится – а я запросто. Все меровенцы с рождения приучались к ряду звуковых команд. Свистни определённым образом, и лошадь успокоится. Или поднимется в галоп. Или остановится. Конечно, при своеобразии нрава Фарша проблемы могли возникнуть, даже неизбежно возникнут... но всё равно это отличный шанс показать себя, а потом, оставшись при дорогуших лошадях, не смешиваться с остальной прислугой.

А дальше поглядим.

Теперь надо всучить наше сокровище – Фарша и ещё трёх его собратьев, кого не слишком жалко, – герцогу Ульффрику. Хорошо, что до кобыл и племенных жеребцов, затерявшихся в горах, сейчас и полку сабельников не добраться.

Чувствую себя ящерицей, готовящейся принести в жертву хвост.

Жертвоприношение, решив не откладывать, назначила на вечер.

Взяла острые ножницы и села к зеркалу. Посмотрела в последний раз, как сияют и струятся в свете масляной лампы и трёх свечей пряди, вздохнула и принялась себя уродовать...

Ничего. Злее буду.

Спорить могу, что я не первая сиротка, которую обидел вельможный гад. А если набрать достаточно большое количество обиженных, рано или поздно наверняка найдётся тот, кто сможет обидеть в ответ. Отплатить и отомстить. Постараюсь подтвердить этот тезис.

Обрезанные волосы, вздохнув второй раз, отдала тёте. Пусть спрячет в ларец. Может, потом парик из себя сделаю.

Чёлка вышла даже кривее, чем я ожидала.

– Дай подровняю, смотреть сил нет. Ты же теперь культурный мальчик, обученный грамоте, а не беспризорник какой! – вздохнула тётя.

«Культурный мальчик» нервно хихикнул и поинтересовался:

– Когда голову пивом мыть будем?

Остался один вопрос: как объяснить Пауку, куда делась Эльма Эл'Сиран? Наверное, можно сообщить, что я, придя в себя и услышав о том, что тётя передала ему опекунство, сбежала. А куда мне бежать? Где сбежавшую меня сложнее найти и в то же время будет больше пользы или неразберихи от поисков? Вряд ли в горах... Я всё же леди, а не мифическое существо йети. Пожалуй, отправлюсь-ка в Кентар, искать дальних родственников с материнской стороны. Но каких именно – мы не скажем. Пусть герцог сам ищет и голову ломает.

А если в надежде, что после совершеннолетия беглянки наследство само упадёт ему в руки, утруждаться не станет, так даже лучше.

Моё дело продержаться до той поры в герцогском доме, а уходя – выпросить рекомендательное письмо. Якобы для устройства в столице или же снова в Меровене. Там по обстоятельствам погляжу. Главное, получить бумагу, где говорилось бы, что Тъери Сиран был честен, послушен и служил исправно. И пусть тогда попробует подать в суд! Может, влияния выиграть процесс у Дланей и хватит, но должен же он понимать, что станет посмешищем всей Сорренты, если выяснится, что полгода искал воспитанницу у себя под носом и леди от лорда отличить не смог?

А ещё – хотя это из разряда девичьих мечтаний – вдруг удастся добыть на герцога какой-нибудь компромат? Тётя наверняка сообразит, как применить его с максимально убойной пользой.

Но «побег сиротки в отчаянии» будем скрывать как можно дольше, так что ещё хотя бы пару дней отдохну в горячке.

С конями мы угадали.

Желание посетить завод знаменитых меровенцев его светлость герцог Ульффрик изъявил уже на следующий день. Заявился в сопровождении пары сабельников и невзрачного, похожего на линялую галку секретаря и забарабанил в дверь. Верна, привыкшая к мирному безоблачному быту провинциального городка, открыла – и едва не провалила весь наш план в зародыше.

Потому что я, как раз надевшая принесённую Тодом одежду его племянника и примерившаяся к башмакам, столкнулась с герцогом в прихожей нос к носу.

С перепугу и от неожиданности чуть не присела в реверансе и лишь в последний момент спохватилась, что надо кланяться.

Герцог скользнул по мне взглядом и небрежно бросил:

– Кто такой?

Показала из-за спины кулак прикрывшей ладошкой рот Верне и отрапортовала, стараясь сделать голос ниже:

– Тъери меня звать, Тъери Сиран.

– Сиран? И откуда ты такой? И зачем здесь?

– Из деревни Сиран! Я при конезаводе.

– При заводе? Мм-м... Подожди тут, – отдал приказ герцог.

И как ждать, если он сейчас меня навещать пойдёт?

– Понял, слушаюсь! Только на минуту отбегу, – заскребла я по полу ногой. Надеюсь, не придётся объяснять, куда я собралась, сам догадается.

Герцог поморщился. А я поклонилась – и дунула в сторону кухни. Оттуда есть проход в гостиную и жилую часть особняка.

Но, выходит, он меня не узнал?! Пусть в полутёмной прихожей после солнечного утра... но всё равно не узнал! Это крошечная, но первая победа.

Тётя задержала герцога ровно настолько, чтобы я успела натянуть парик и рубаху и прикинуться лежащей на смертном одре тушкой дохлого опоссума с полотенцем на лбу. Дышать я боялась. Сердце колотилось как бешеное... но пронесло. Потоптался, побуравил меня глазами – и вышел вон.

Соорудив на всякий случай под одеялом валик и украсив тот париком, помчалась назад в прихожую. Хорошо или плохо то, что герцог мной заинтересовался? Очевидно, он ждёт, что мальчишка выболтает то, что скрывают хозяева. Ну-ну...

Только леди Анель меня с герцогом не отпустила. Сказала, что тоже собирается на завод и Тъери поедет с ней. А пока закладывают ландо², не выпьет ли его светлость бокал вина? Знаменитого чёрного меровенского?

Вино и вправду было дивным и дорогим, с необыкновенно богатым букетом. Поражённая тётиным гостеприимством, я захлопала глазами... и хлопала бы долго, если б не вспомнила, что именно этот, звавшийся гагатовым сорт винограда, из которого изготовлялся тёмный, с рубиновым отсветом напиток, дико привлекает пчёл. Поэтому пасеки никогда не располагали рядом с гагатовыми виноградниками. Зато на подъезде к конезаводу, там, где дорога петляла между клеверными лугами, стояли ряды ульев. Ай да коварная леди Анель!

² Ландо – карета, верх которой раскидывается на две части – вперёд и назад.

Гм, а ведь герцог ещё и одет в чёрное. Кто сталкивался с пчёлами, знает, что светлые тона действуют на них успокаивающе, а вот волосы, мех и чёрный цвет эти насекомые не любят. А у лорда Паука и коляска чёрная. И кони вороны. Определённо, ехать с ним вместе чревато.

Горные пчёлы не обманули наших ожиданий. Известно, что стоит ужалить единственной пчеле – и остальные воспринимают укус как сигнал к атаке. А герцог, не понявший, отчего это вокруг него загудел и закружился чёрный смерч, стал ещё и отмахиваться руками. Я даже забеспокоилась – ведь искусают, опухнет, разозлится, тогда всем головы не сносить.

Тётя философски пожала плечами:

– Увы, иногда милая беспомощность не помогает, а только провоцирует. Но нас же невозможно обвинить в том, что мы подговорили пчёл атаковать представителя Короны?

От клеверных полей Длани со свитой удалялись ударным галопом. Впереди, дезертировав перед натиском перепончатокрылых, выпятив зады летели пригнувшиеся к гривам сабельники. Пыль так и стелилась из-под копыт... Следом, подпрыгивая на ухабах, мчалась запряжённая парой вороных чёрная коляска, в которой героический секретарь пытался прикрыть патрона своим телом. Тела не хватало... Кучер без конца оборачивался и погонял коней.

Мы широкой рысью спокойно, чтобы не попасть в полосу поднятой пыли, ехали сзади. Тётя, усмехаясь, обмахивалась букетиком мяты...

Чёлка без конца падала мне на глаза, и вообще от непривычной лёгкости головы с расчёсанными ветром волосами казалось, что и внутри оной гуляет сквозняк.

И мне уже, увы, определённо не было скучно.

Глава 4

Я никогда не повторяю сплетен, так что запоминайте с первого раза.

Закончилась гонка закономерно – герцогский кортеж пролетел мимо нужного поворота и помчался дальше, к лежавшему за холмом тренировочному кругу. А что? Пусть себе скачут – там и набегаться можно, и удобно развернуться, когда носиться надоест.

А у нас будет достаточно времени, чтобы переговорить с управляющим – господином Арно – и подготовиться к встрече дорогих гостей.

В принципе, на случай, если пчёлам не приглянется герцог или погода будет нелётной, тётя подстраховалась, заранее послав указания относительно нашего визита. Но лучше проследить за всем самим. Надёжнее.

Господин Арно покосился в мою сторону, заморгал, открыл было рот – и тут же захлопнул, встретив твёрдый взгляд леди Анель и вспомнив переданные утром распоряжения. Тётя нежно улыбнулась и громко, на весь двор, произнесла стальным голосом:

– Кому случайно почудится, что они узнают кого-то из присутствующих, не стоит этого показывать. Приехавшего со мной мальчика зовут Тьери Сиран, он сирота, работающий у вас на конезаводе помощником тренера.

Господин Арно и конюх, как раз заводивший лоснящегося и сияющего на солнце бодрого Фарша в демонстрационную леваду, дружно закивали. Почему-то с тётей Анель никто никогда не спорил. И я даже знала, почему. Себе дороже. При всей порядочности и справедливости по отношению к работникам, разгильдяйства или предательства тётя бы не простила. Зато и верность награждалась достойно.

Мы уже заждались, когда на повороте дороги показалась коляска. Лошади еле плелись, на удилах висели клочья пены. Вот же! Загоняли бедных. А нечего было руками на пчёл махать – сидели б тихо, может, и обошлось бы.

На лицах сабельников читалось нечто такое-эдакое, что благовоспитанным леди знать не положено. Хорошо, сделаем вид, что не знаем.

Герцог Ульфрик был зол. Очень зол. Это было видно безо всякого лорнета. Крылья носа даже побелели. Костяшки сжатых кулаков тоже. Тем страшнее было то, что он даже не повысил голос, когда скомандовал кучеру:

– Останови коляску!

Тётя на секунду зажмурилась, словно призывая всех святых заступников, а потом шагнула вперёд – встречать грудью прикатившую бурю.

– Ваша светлость, не пострадали? Вы же знаете, что пчёлы плохо относятся к чёрному и не любят резких движений. Не стоило вашему секретарю руками махать...

Угу, секретарю. Но тётин политес герцог оценил, чело слегка прояснилось.

Однако мне было тоже интересно – пострадал или нет? Неужели ни одна не укусила? Обидно, если плюнули на герцогский филей и ужужжали восвояси.

Сабельники соскочили с коней. Один озабоченно ощупывал у своего гнедого ноги, второй свистнул пробежавшему с тачкой конюху:

– Бросай тачку, води коня, пока не остынет.

Забота похвальна, но вот такая манера распоряжаться в чужом доме, как – нормальна? Хотя не возразишь...

Кучер тоже, кряхтя, сполз с козел и, чуть прихрамывая – зад, что ли, отбил на ухабах наших каменистых просёлков? – заковылял к лошадям.

Тем временем герцог, забыв о неурядицах, зачарованно уставился на выписывающего в леваде плавные стремительные виражи Фарша. Широкий круп коня сиял ярче моего медного

таза, длинные золотые хвост и грива стелились по ветру, ход был размашист и летящ... Не конь – мечта! И впрямь засмотришься, пока не вспомнишь, на что способна эта дурноезжая скотина при попытке использовать её по назначению.

Кстати, сейчас, наверное, Верна как раз покупает на базаре гуся...

Управляющий хлопнул в ладоши, подавая знак конюху. Тот направился к леваде с недоуздком в руках, якобы собираясь увести Фарша.

– Стойте! – скомандовал герцог. – Я хочу этого коня!

– Но он не до конца выезжен, – как договаривались, запротестовал управляющий. – Мы не можем отдать его вам!

Угу, теперь герцог уверен, что ему под надуманным предлогом не дадут взять особенно ценную лошадь – ведь отсутствие физических пороков, скорость и красоту он видел сам! Спорить могу, теперь без Фарша его отсюда не выпихнешь.

Но мы предупредили, что конь не выезжен.

А ещё могу спорить, что даже медяка ни за этого, ни за остальных коней – а Фаршем дело явно не ограничится – мы не получим.

Узаконенный грабёж, и не возразишь...

Эх, отвлеклась я, а стоило бы послушать.

Сейчас герцог, объявив, что теперь распоряжаться здесь будет он, интересовался у управляющего ценой завода и содержащегося на нём племенного поголовья. Интересно, он верит, что господин Арно, ещё прадед которого работал тут, будет разговорчивее тётки?

– Последние годы дела шли не очень. Мы пробовали заменить покупной овёс более дешёвой покупной же пшеницей, но это чуть не закончилось катастрофой. Зерно оказалось заражено спорыньей, часть кобыл скинули жеребят, а несколько лошадей даже погибли, и среди них наш лучший производитель. Потому и продажи упали. Хотя сами понимаете, мы это не афишируем.

Герцог поджал губы, обретя удивительное сходство с сердитым сомом.

– Но и это не всё. Один из секретов успеха – мы продаём коней вместе с точно подогнанной по ним сбруей из лучшей кожи. Так откуда-то взялся жучок-кожеед – и все запасы, и даже часть готовой сбруи пропали. Вытравить не удалось, всё пришлось сжечь. Положение дел таково, что даже пришлось... – управляющий закашлялся и виновато покосился на тётку.

– Пришлось что? – прищурился и раздул ноздри герцог.

– Взять кредит.

– Кредит?

– Кредит.

Печали в голосе господина Арно позавидовали бы профессиональные плакальщицы. Даже мне захотелось всхлипнуть.

– Кредит где?

– В банке.

– Вот я и спрашиваю, в каком банке?! – герцог, уже не сдерживаясь, рычал.

– В Центральном Фалерийском, – промокнула уголком платка глаза тётушка Анель. –

Мы подумали, что он самый большой, значит, надёжный.

– Когда отдавать деньги?

– В следующем году... – всхлипнула тётка.

Пояснить, что к тому моменту Эльма Эл'Сиран станет совершеннолетней и распоряжаться здесь, если, конечно, сам на мне не женится, этот паук не будет, не требовалось.

Герцог нахмурился и уставился в землю. Потом поднял голову, обвёл нас холодным взглядом:

– Коня, который мне понравился, желаю взять сейчас. Подберите к нему пару и заложите в коляску. Ещё двух пришлёте не позднее, чем послезавтра. Да, своих лошадей я пока оставлю

тут, позаботьтесь о них как следует. Как отдохнут, отгоните в дом городского Главы, где я остановился.

Угощаться вином, которое предложил управляющий, герцог почему-то не захотел. Застыл чёрным столбом посреди чисто выметенного двора и стал ждать, когда запрягут Фарша и его пару.

Парой выбрали одногодку Фарша, получившего прозвище Кусака за редкий талант закусывать удила, невзирая на два надетых на морду капсюля. Правда, команд, поданных свистом, Кусака слушался хорошо, на что я и рассчитывала.

В какой-то момент Паук поманил перстом маявщуюся у стенки меня и, покрутив в пальцах мелкую серебряную монетку, поинтересовался:

– То, что тут говорили, – верно?

– О кредите все работники слышали, – закивала я. – А конь и вправду с норовом. Я здесь тренеру помогаю, так непростой этот Ферраш, с секретом. Но зато выносливый и ход на редкость плавный!

– Ладно, лови! – снизошёл герцог.

Монетка сверкнула в солнечных лучах... вот же! Я ж не кошка, так подпрыгивать! Хорошо, что постриглась, а не стала пытаться косы под париком или беретом прятать. Хотя каким беретом? Он мне теперь не положен, Тъери же по легенде не дворянин.

Поймав, зажала награду в кулаке и решила:

– А возьмите меня с собой, за конями смотреть!

– Зачем мне деревенская шпана нужна?

– Я не шпана, – на всякий случай решила я обидеться на незнакомое слово. – Я про меровенцев всё знаю! А ещё грамотный!

– Пшёл вон, – равнодушно произнёс герцог и отвернулся.

Вот же гад мой новый опекун!

Когда Длани уже усаживались в коляску, запряжённую парой золотых красавцев, произошёл ещё один интересный разговор.

– Полагаю, про несметные богатства моей племянницы вам напел лорд Беруччи? – чуть ехидно осведомилась тётя. – Вынуждена огорчить: как сами видите, слухи сильно преувеличены. Но утешу вас, заодно ответив нашему уважаемому городскому Главе любезностью за любезность. Знаете, у нас чудесный городской парк с бесподобным прудом с лотосами. Заверните туда на обратном пути, полюбуйтесь на достопримечательность, обошедшуюся три года назад городской казне в тридцать тысяч золотых эйлеров.

Герцог озадаченно уставился на леди Анель. Та, сохраняя невозмутимый вид, чуть повела бровью.

– Я проезжал мимо парка и не видел никакого пруда... – робко вмешался стоящий за герцогским плечом секретарь.

Леди Анель лукаво улыбнулась.

Герцог прищурился – и понимающе усмехнулся:

– Обожаю, когда верноподданные оказывают друг другу такие «любезности».

Ну вот, кажется, о фамильном конезаводе можно больше не беспокоиться – интерес к заложенному имуществу Паук потерял. А попавшего в фокус герцогского внимания лорда Беруччи мне было ни капли не жаль – никто не заставлял того воровать из городской казны и подставлять меня.

Обратно наша коляска снова ехала сзади. Пчёлы, утомившиеся от внеплановых лётных учений, пропустили герцога без боя, так что до города мы добрались без приключений. При-

ключения поджидали нас впереди, на мощённой брусчаткой улице, ведущей от ворот к особняку городского Главы. Где-то там, в боковом переулке, по тётиному наущенью притаилась в засаде Верна с гусем...

Гуся с привязанной к лапе верёвкой полагалось выпустить – вроде как тот сам вылетел из корзины, – когда коляска окажется за два-три дома от переулочка. А дальше дело за Фаршем. Если не выйдет, повторим позже.

Но Фарш не подкачал. Испуганное ржанье слышала, наверное, половина улицы. Потом мерин попытался встать на дыбы. Не вышло – помешало дышло, к которому кожаными постромками крепились седёлка. Но это было только начало представления.

Я выпрыгнула из ландо и помчалась вдоль фасадов домов вперёд, чтобы не упустить нужный момент.

Могла бы и не торопиться.

Выпучив глаза на жуткую птицу, невесть откуда возникнувшую на дороге и очевидно собиравшуюся на него напасть, Фарш начал резво и решительно пятиться задом. К манёвру оказались не готовы ни кучер, ни не разделявший страха собрата перед гусями Кусака. Кусака отреагировал в привычной манере: мотнул башкой и клацнул зубами. Ясно, опять закусил удила и сейчас... Додумать не успела – «сейчас» наступило слишком быстро: Кусака задрал храп к небесам, а потом резко, рывком, опустил к копытам. Вцепившийся в вожжи кучер явно не ожидал такой подлянки на ровном месте и, так и не выпустив вожжей, рыбкой полетел с облучка. Угу, мягкого приземления на нашу чисто вымытую брусчатку.

Нервный секретарь опять вскочил на ноги и, как мельница крыльями, замахал руками. Это он так оригинально коней успокаивает или гуся помогает Фарша пугать? Похоже, второе. Фарш, заложив уши, дал мощного козла, с грохотом въехав по передку коляски копытами размером с суповую тарелку. Коляска подпрыгнула и дёрнулась назад. Фарш переступил, по-прежнему пятясь от страшной птицы, и долбанул снова... Пожалуй, так ещё раза три – и герцогу придётся раскошелиться на новое средство передвижения.

Кучер цыплёнком табака лобызал камни мостовой. Секретарь от толчка свалился на сиденье, чуть не на колени патрона, но продолжал жестикулировать в стиле «ветряная мельница в грозу». Сабельники успокаивали своих пританцовывавших коней и – поскольку вроде как при деле – благоразумно не вмешивались. Герцог вцепился в поручни коляски и метал молнии из глаз. Я старалась не захихикать: так и виделось, как их светлость предъявляет паре меринов обвинение в покушении на представителя Владыки при исполнении...

Но, пожалуй, пора проявить инициативу.

Подскочила к коляске:

– Сейчас помогу!

И метнулась вперёд, одновременно доставая свисток.

Лошади, как и собаки, улавливают звуки в ином диапазоне, чем человек. Наших коней с жеребьячьего возраста дрессировали не только слушаться вожжей и команд, поданных голосом, но и свиста. Сигналов был всего десяток: разные аллюры, остановка, повороты, но я обучалась нужному тону и темпу почти три года – сложно воспроизвести что-то, чего сам не слышишь, а только щёки дуешь.

Кусака, услышав знакомую трель, немедленно встал как вкопанный. Фарш сдался не сразу – пришлось потянуть за удила и закрыть собой обзор, пока Верна резво утягивала хлопющую крыльями птицу назад в переулочек.

Ну вот, кони успокоились, коляска цела... ну, почти цела... А сейчас, пока помятый, потирающий плечо кучер забирается назад на облучок, проверим, удалась ли операция «Гусь лапчатый».

– Всё в порядке, ваша светлость, – подскочила я к коляске снова. – Просто кони молодые, пугливые, обращаться с такими надо уметь. Говорил же, что пригожусь! Возьмите меня на службу, не пожалеете!

Герцог пристально уставился на меня:

– Кем, говоришь, на заводе был?

– Тренеру помогал.

– А почему уехать хочешь?

– Сирота я, тут оставаться мне незачем. Хочу мир посмотреть, стать кем-то. А лошадей я знаю. Примите на службу – вашим меровенцам все обзавидуются!

Рот герцога сжался, сделав губы ещё тоньше.

– Посмотрим. Я подумаю.

Это да или нет?

Как однажды сказала тётя: «Отсрочка – самая неприятная форма отказа».

– Мне платить много не надо, а кони тыщи стоят! Что, если опять испугаются и покалечатся?

Как в подтверждение моих слов ещё не до конца утихомирившийся Фарш всхрапнул и звонко долбанул кованым копытом по брусчатке.

– Ладно, беру, – кивнул герцог.

– Спасибо, ваша светлость!

Неужели вышло?

Три оставшихся дня я провела бурно, болтаясь и мотаясь между домом и особняком городского Главы. Надо было и успеть собраться, и явить пользу от своего найма, и умудриться не попасться на глаза никому из тех, кто хорошо знал в лицо Эльму Эл'Сиран, например, лорду Беруччи. Впрочем, Главе было не до переодетых стриженных девиц – судя по шепотку слуг, кроме призрачного пруда ценой в тридцать тысяч в отчётности нашлось много чего занимательного для пытливого ума. Но ещё интереснее был способ, которым Длани Правосудия это правосудие отправляли. Оказывается, казнокрадов в нашей стране не сажают в темницу и даже не прогоняют с тёплых мест – их просто штрафуют на сумму, сравнимую с ценой украденного. Интересно, куда пойдут эти штрафы?

– Эль, я понимаю, что ты нервничаешь, но не задавай риторических вопросов! – усмехнулась тётя. – Сама же понимаешь, что штраф, не подтверждённый никакими документами, – суть взятка. А кроме того, оставляя нечистых на руку чиновников на местах, ты получаешь идеально управляемых подчинённых – ведь каждый в чём-то виноват.

Берём взятки конями, сиротками и деньгами. М-да...

Кстати, бурно проводила время не я одна: мой новоиспечённый опекун, как выяснилось, кроме манипуляций, махинаций и мздоимства обожал вечерние «приёмы». Принимал исключительно особ женского пола, ни с одной из которых я знакома не была, но о паре слышала. Скажу мягко: тётя их вряд ли бы пригласила на чай. Мне даже стало жаль крапчатую жабу – терпеть такое у себя в доме!

Сабельники тоже не скучали.

Леди не так часто удаётся наблюдать мужчин в их естественной среде обитания. Я смотрела во все глаза. И чем больше смотрела, тем меньше почему-то картина мне нравилась. В сабельниках самым романтичным и симпатичным оказались, пожалуй, их кони. Честные животные не хлебали вино вёдрами, не ругались, вставляя «неопределённые артикли» даже в невинные фразы о том, что надо б лошадям задать овса, не играли день и ночь в кости и не обсуждали стати и нравы меровенских девиц. М-да, знали б наши прелестницы, в каких выражениях будут их поминать бравые кавалеры, обыкались бы!

И мне как-то надо жить в этом окружении полгода? Эх, не ценила я наш провинциальный застой...

Ещё через два дня, когда моя лохматая голова достаточно примелькалась на конюшне и герцогский кучер стал мне кивать, мы с тётей решили, что пора бедняжке Эльме Эл'Сиран в расстройстве и помрачении рассудка сбежать из дому. Потому как от раздвоения личности я уже стала нервной. Вытанцовывать со скребницей вокруг Фарша, насторожив уши, дабы не пропустить момент, когда их светлость прикажет запрягать, чтобы выехать по делам, а по пути заглянуть к недужной мне, – от такого же спятить можно!

Тётя, кстати, была вынуждена подписать документ о передаче опекунства. Единственное, что леди Анель сумела выторговать у герцога, это расписку со словами «Никаких претензий по управлению имуществом подопечной и воспитанию оной на момент передачи прав опекунства не имею». Тётя прямо сказала, что без такой гарантии подписывать что-либо боится, и, если бумаги не будет, лучше она пойдёт под суд за медный таз бедняжки Эль. Паук поморщился, но подмахнул, очевидно решив, что ничего не теряет – расписка денег не стоит. Напоследок ехидно осведомился:

– Умываете руки?

– Но ведь хорошо, когда руки – чистые? – мило улыбнулась леди Анель.

На следующий день с утра я пропала.

Верна, опустив глаза и комкая край передника, стояла перед злющим герцогом и, запинаясь, пыталась объяснить, что очнулась я вчера к ночи, а как услышала новости, так зарыдала, начала бормотать что-то про мамину родню и Кентар, а потом снова лишилась чувств. Никто и предположить не мог, что на рассвете меня уже не будет в доме.

– Что за материнская родня?

– Н-не знаю... – испуганно проблеяла белая как мел Верна.

– А кто знает?

– Н-не з-знаю...

– Вы знаете? – уставился герцог на тётю.

– Только слышала, – всхлипнула та.

Вид у леди Анель сейчас был наивно-беспомощным и расстроенным донельзя. Время от времени тётя подносила к глазам кружевной платочек и всхлипывала: «Бедная Эль, бедная сиротка...»

Паука, явно сентиментальностью не страдавшего, от этой картины тошнило. Наконец он развернулся на каблуке и отправил меня за сабельниками – пусть придут и обыщут дом.

Услышав о грядущем обыске, тётя сначала вскинулась было с негодованием, но потом вдруг всплеснула руками:

– А вдруг она где-то потеряла сознание и лежит сейчас одна, бедная, больная, беспомощная... Да, да, пусть помогут искать!

Я, отвернувшись, прикусила губу, силясь сохранить серьёзный вид. Накануне вечером тётя объяснила мне, что одно из самых действенных оружий женского арсенала – резкая смена настроения и дыры в логике. Мужчин такое либо сбивает с толку, либо бесит. Причём сильнее всего злит то, что поделаться что-либо с этим психологическим феноменом, не выходя из цивилизованных рамок, невозможно.

Тётя была права: крылья герцогского носа снова побелели, их светлость отчётливо заскрежетал зубами.

Ладно, бегу за сабельниками...

Потом мы битый час длинной процессией ходили по комнатам, открывая все дверцы на предмет обнаружения пропавшей девицы. Я таскалась следом, по мере сил помогая – то есть заглядывала в поисках самой себя под кровати.

Один сабельник даже залез на крышу. Интересно, зачем? Вроде как у меня истеричное состояние, а не лунатизм. В трубе юную леди, что ли, собрался искать? Или это у него лунатизм? Станный какой-то.

Но самым перспективным местом для поиска пропавших был признан винный погреб. Там сабельники искали целых два часа и вышли на белый свет шатаясь от усталости и с песнями.

На сём розыскные мероприятия завершились.

Ничего, в Кентаре мы продолжим, я уже сказала герцогу, что хорошо знаю Эльму Эл'Сиран в лицо!

Наступил последний день пребывания герцога Ульфрика Тауга Эл'Денота в Меровене. Утром следующего дня Длани Владыки собирались покинуть город. Сабельники, с печальным вздохом оторвавшись от костей, проверяли снаряжение. Вокруг дома Главы кипела суета – там готовились к балу по случаю отбытия важной персоны. А меня отчего-то снова понесло на кладбище. Хотя что значит «отчего-то»? Я боялась, очень боялась неизвестности, ждавшей впереди. Одна, без привычной поддержки в лице тётки, в незнакомом окружении – справлюсь ли? Хотя куда денусь? У меня что, есть альтернатива? То-то и оно... Так что наберу в ладанку земли – пусть будет эфемерная, призрачная, непрочная, но какая-то связь и опора.

Ночь я провела вместе с тёткой. Почти до рассвета мы сидели, взявшись за руки, на кровати. Я старалась не показывать, как испугана и расстроена, а тётка делала вид, что верит, и по пятнадцатому разу повторяла наставления, как себя вести.

– Эль, хоть рубашки сейчас и носят свободными, не забывай перевязывать грудь. Пусть та пока невелика, но мягко быть не должно. Схватится кто-нибудь случайно – и всё раскроется. И тонкие не надевай, старайся обходиться плотным полотном, оно скрывает форму лучше.

– Мне всего полгода продержаться! – попыталась я выразить оптимизм, которого не испытывала.

– Сто восемьдесят дней и ещё неделю, – фыркнула в ответ тётка Анель. – Да, я сразу же выведу следом. Остановлюсь в гостинице «Кубок короны».

– А сколько до Кентара добираться?

– Две недели примерно. Это если на хороших лошадях и не останавливаться по пути надолго.

Продержусь. Буду ночевать рядом с конями, меня те знают, а остальных – нет.

Эх, и с чего я взяла, что герцог отправится прямо в Кентар?

Глава 5

Если вам нечего терять, попробуйте что-нибудь найти.

Б. Трушкин

Самым сложным в моём преображении было не надеть одежду с чужого плеча и даже не обрезать волосы. Труднее всего было поменять менталитет. Больше не существовало юной благородной леди Эльмы Эл'Сиран, на свет появился подросток Тъери Сиран, который, увы, стоял на самой низкой ступени социальной лестницы. Мальчик «поди-принеси» и не вздумай огрызаться или морщить нос, а то оттаскают за вихры или вовсе пинка дадут.

Ещё и герцогский кучер со странным имечком Фернап Ырнес невзлюбил меня с первого взгляда. Похоже, мрачноватый плечистый дядька решил, что я мечу на его место на козлах герцогской кареты. И выразил тёплое отношение тем, что, кроме ухода за четырьмя меровенцами, навесил на меня пару вороных. Может, интуитивно почуял, что это я ему тот таз принародно на голову нахлобучила? Да ещё сабельники подливали масла в огонь, без конца прикалываясь и дразня сердитого дядьку «медноголовым», что не улучшало кучерского настроения.

Короче, я только рот открыла и зубами клацнула, услышав от Ырнеса, что ехать мне предстоит не верхом на одной из запасных лошадей или рядом с ним, на козлах, а на запятках. На запятках! Что означало: стоя, вцепившись пальцами в карету и подпрыгивая на всех ухабах и колдобинах. И долго ли так продержусь, прежде чем руки ослабнут и я шмякнусь со всего маху в дорожную пыль?

По городу, по гладкой брусчатке, на небольшое расстояние я бы рискнула... но трястись так весь день по каменистой просёлочной дороге? Нет уж, увольте! Может, срочно сдаться и пойти замуж? Тоже нет, как-то неохота. Тогда что с этим делать? Как пресечь вредоносную инициативу?

Первая мысль была проста – послушно влезть на запятки, но каждый раз, как экипаж начнёт двигаться, свистеть лошадям, требуя остановиться. И никто никуда не уедет. Дёргаться так можно долго... Моего свиста человеческим ухом не слышно, так что кучер ничего не заподозрит.

Но потом появилась другая идея, более радикальная: устроить Фаршу, которому предстояло увозить герцога из Меровена, второе свидание с гусем. Если первый раз Ырнес не проникся, то надо дать эту возможность сейчас, во избежание рецидивов вредности. Для обоюдной пользы. Я хочу ехать на козлах, а он... он, думаю, просто хочет ехать спокойно.

Вот и поедем.

С людьми надо дружить, да. А не отсылать тех на запятки.

В этот раз за гусиный бенефис отвечал Тод, которого было не узнать в старой соломенной шляпе. Увесистый белый гусак сидел в ивовой корзине, а в нужный момент Тод выдрал у него из хвоста пару перьев, в ответ на что обиженный птах вытянул шею, зашипел, загоготал и захлопал крыльями. Этого хватило. Фарш узрел врага.

От мощного удара задом карету тряхнуло. Я, если б не ждала катаклизма, улетела бы первой. Интересно, а Фернап удержался на козлах? Сейчас узнаю. Соскочив, заозиралась... Ой, а почему мы стоим боком посреди улицы? А, это Кусака решил подыграть собрату и «помог». Что, сейчас поедем назад в дом лорда Беруччи? А тот будет рад? Гм, думаю, не очень...

Но в этот раз инициативу проявлять не стану. Народ вон вокруг радуется, на чумазую меня в сером колпаке – слуги дворянских беретов не носят – внимания никто не обращает, удержавшийся в этот раз на козлах Ырнес дёргает вожжи и бранится на всю улицу, их светлость шипит из кареты громче гуся. Весело.

Идиллию прервало явление герцога в окне кареты. Ледяные глаза уставились на меня:
– Что столбом встал? Говорил же, что коней знаешь!
– Так я... Есть, вашсветлость!

Высочив из герцогского поля зрения, свистнула «Стоп!» и рванула к Фаршу. Схватила под уздцы и повисла на морде, закрывая обзор и шепча: «Тихо, тихо, хороший, никто тебя не скушает, никому ты, скотина такая вредная, не нужна...» Помогло. Через минуту я уже тянула за вожжи, разворачивая «хорошего» в правильном направлении. Но, кстати, случись подобное за городом, оказались бы в придорожной канаве со сломанной осью. А то и перевернуться могли бы...

Между прочим, сабельники снова вмешиваться не стали. Интересно, это случайность или тут что-то большее?

Но в итоге я, как и хотела, оказалась на козлах рядом с кучером. Герцог приказал. Фарш, словно и не он выкаблучивался посреди улицы всего пять минут назад, бодро и ровно рысил вперёд – уши торчком, хвост по ветру.

– Все меровенцы с такой придурью? – покосился на меня Ёрнес.

– Нет конечно, – миролюбиво отозвалась я. – Просто коней мало, очередь желающих купить на годы вперёд. Всех, кого можно было продать в этом году, уже продали. А этих бы ещё год поучить – тогда шёлковыми будут. Вы ж сами слышали, управляющий сразу предупредил, что невыезженные. Но их светлость приказали... Я помогу справиться, вы не волнуйтесь.

– Я и не волнуюсь. А вот ты – сразу скажу! – высоко не меть. Хитрожопый больно.

Сглотнула. Как-то в таком ракурсе я себя до сих пор не рассматривала.

– Да что вы! Вы – представительный, солидный, видом и манерами титулу господина соответствуете. И выглядите очень сильным – наверное, можете один и колесо поменять, и карету, коли застрянет, вытянуть.

Дядька приосанился. Похоже, я нашла верный тон. Ну, тогда продолжу:

– А от меня какой толк? Ни силы, ни виду... Правда, я и сам хочу другого.

– И чего хочешь? – прищурился Ёрнес.

– А я грамотный. Даже писать умею! Вот осмотрюсь... может, их светлость в личные слуги возьмёт?

– Тебя? – захохотал Ёрнес.

Я надулась.

Пока разговаривали, добрались до городских ворот. Вот и хорошо, а то я всё же боялась, что найдётся кто-нибудь глазастый с нездоровым воображением и меня узнает.

Эх, до свидания, Меровен!

Вообще, я решила взять себя в руки и не бояться или переживать, а попробовать смотреть на происходящее как на то самое приключение, которого ещё недавно так жаждала. Правда, не стоило забывать, что если меня застукают, репутации придёт конец. Накроется тенью того медного таза. Кому докажешь, что с сабельниками ничего не было, только хоровые песни о верных конях и лихих боях выводили?

Ещё в планах значилось попытаться выяснить, где Паук держит бумаги на опекунство, и их стащить. А если в том же месте найдётся какой-нибудь компромат, то позже, став совершеннолетней, попробовать отомстить. Не своими руками, у меня на такое сил не хватит, но наверняка у герцога есть недоброжелатели. С таким характером это неизбежно. Да и кто, поднимаясь по карьерной лестнице, не нажил врагов?

Так что смотрю во все глаза, а по ходу дела попытаюсь подружиться с дядькой Ёрнесом.

Первые дни дороги ничего судьбоносного не принесли – солнце палило с небес, у меня облез нос, гусей по пути не попадалось. Герцог не обращал на меня внимания, но я и не высо-

вывалась. Зато пришлось стать натуральной совой – после жарких дней всё зудело и чесалось, а плескаться, как это делали сабельники, раздевавшиеся по пояс и обливавшиеся водой из колодца, мне было заказано. Поэтому приходилось в обнимку с полным ведром посреди ночи искать ближайшие кусты. Как же хорошо, что я постриглась!

Ну и, наконец, в первый раз проснувшись на рассвете от звуков эскадронной трубы, я долго не могла понять спросонья и с перепугу, куда попала и как тут оказалась.

Но мы когда-нибудь куда-нибудь приедем?

Я честно старалась держать свой нрав в узде. Очень старалась. Моё дело – просидеть под герцогским боком до совершеннолетия, причём не просто просидеть, а втереться в доверие настолько, чтобы выпросить, уходя, рекомендацию для нового места. И всё же сотворила пакость. Просто не смогла удержаться.

Дело было так. На ночлег мы либо разбивали шатры, либо останавливались в придорожных сёлах. Собственно, я понимала, что странствую не с группой монахов-паломников... но если честные сабельники атаковали местных пейзажников с фронта и отступали, получив от ворот поворот, то герцог мог просто поинтересоваться, как зовут приглянувшуюся крестьяночку, и приказать прислать ту ему на ночь. Так вышло и в этот раз.

Ехали мимо поля, где шла прополка, и вдруг герцог приказал остановиться. Высунул голову из кареты, посмотрел-посмотрел, а потом подманил пальцем ближайшего мужика и указал на одну из девушек. Вот же гад! Ему на один вечер забава, а этой Мирлине всю жизнь искалечить может. И девчонка по виду славная, наверное, моя ровесница. Смеётся, улыбка как солнышко, ещё не знает, в какую беду попала...

Могу ли я тут что-нибудь сделать? Не уверена... Но если не попробую, себя не прощу. Итак, начинаю строить страшный план.

Нужна Пауку эта Мирлина вечером, после ужина, а не прямо сейчас. То есть ей передадут приказ, чтобы явилась к герцогу. Можно ли сделать так, чтобы распоряжение не дошло? Или, вот, ещё лучше! Должно выйти! Начав прикидывать перспективы, не удержалась и захихикала – и словила неодобрительный взгляд дядьки Фернапа:

– Лыбиться перестань, охальник! Девке горе, а он ржёт!

Ух ты! Первый раз кучер выказал человеческие чувства. И приятная неожиданность – выходило, что в данном вопросе он вовсе не на стороне господина. Хотя это не исключало того, что отдай Паук прямой приказ, и Ырнес сам девчонку за косу ему притащит. Но запомню...

Замысел начала приводить в исполнение немедленно: ойкнула, скривилась и схватилась за живот. Корчила рожи до тех пор, пока не услышала:

– Тъери, ты чего?

– Живот вдруг прихватило, терпеть мочи нет...

– Потерпишь. Скоро приедем.

Угу. Теперь надо не забывать постанывать и ёрзать, что даст возможность сразу по прибытии рвануть в кусты на неопределённый срок и успеть организовать герцогу незабываемый вечер.

План строился на том, что именем Мирлина в нашем краю звали примерно каждую десятую селянку или горожанку. Лично я была знакома с тремя. Так неужели в этой немаленькой деревне не найдётся подходящей особы с подходящим именем?

Нашлась. Правда, звали её Марлиной, но какая, по большому счёту, разница ночью и в темноте? Зато остальное превосходило все ожидания. Была Марлина сорокалетней цветущей вдовой на редкость изобильной комплекции. Сядь такая на спину Фаршу, тот сразу сплюснется в котлету. И уговаривать чернокудрую красотку с маленькими усиками долго не пришлось – не всякой вдове попадается герцог на дороге!

Уф, надеюсь, всё выйдет...

Получив от спасённой от герцога Мирлины тарелку спелой клубники – надо же чем-то оправдать отлучку? – и наказав перепуганной девчонке, чтобы та пока на всякий случай спряталась понадёжнее, помчалась назад, на постоялый двор. Клубнику лично, с поклоном поднесла Пауку и услышала в ответ, что тот её не ест, потому как покрывается сыпью. Отлично, съем сама, а про сыпь запомню. Раз жить нам вместе долго, постараемся, чтобы было не скучно, да.

Гм, но как я вовремя успела... Отвергнув клубнику, их светлость послали одного из сабельников в село, передать, чтоб крестьянка Мирлина явилась, как начнёт смеркаться.

Угу, ждём восхода луны и явления Марлины.

Нет, я понимаю, что подглядывать нехорошо. А уж подсматривать, что делается в спальне, и вовсе неприлично. Но надо же узнать, что вышло из моей затеи? Как бы это организовать? Эх, похоже, никак... Ладно, сяду под окошком, хоть послушаю... Будет забавно, если выяснится, что мой опекун мечтал именно о такой встрече.

Первыми изумились сабельники. Ну да, они ж не видели, в кого из кареты тыкала перстом их светлость. А вот имя слышали все. И звучало оно вроде бы похоже. А что девица... гм-м... по виду не совсем обычная – так ведь кто с начальством спорить станет? У начальства свои вкусы. Может, тому разнообразия захотелось, вот такую и позвал. Хотя в свете факелов выглядела упёршая руки в боки, сверкающая очами габаритная Марлина жутковато.

– Герцог, который меня звал, где?

Никто почему-то не ответил вслух, все просто ткнули пальцами в сторону двери. Кроме одного, который отчего-то показал на окно.

– Поняла, – кивнула Марлина именно этому, альтернативно мыслящему. – Я пошла.

Я затаила дыхание и наострила уши.

Хлопнула дверь и послышался тоненький – ух ты, как старается – голосок:

– К вам можно? Это я, Марлина.

В ответ раздалось суховатое:

– Раздевайся, ложись в кровать. Я пока занят, подожди.

Через минуту кровать заскрипела. И наступила тишина.

Чем он там занят-то? И когда освободится? Ведь мы – Марлина и я – ждём... Чем бы пока заняться самой? Оглянулась – и чуть не завопила: оказалось, что к моей засаде тихонько присоединились несколько сабельников. Присоседились – и сидят. Только глаза в полутьме блестят. И не похоже, что они собрались тут герцога от Марлины защищать – ухмылки даже при свете луны разглядеть можно. Интересно, как бы прокомментировала сложившуюся ситуацию леди Анель? Ханжой моя тётя не была.

Сидели мы не зря.

Через пять минут я в первый раз в жизни услышала, как орут герцоги.

Утром все зевали. Потому что ночь выдалась бурной. После первых воплей их светлости мы минут двадцать наслаждались перепалкой:

– Думаешь, коли герцог, можно честной дев... тьфу, вдове, голову морочить?! Мне сказали прийти, ну я и пришла! А теперь, значит, передумал, а? И что тебе не так? Гляди, какая грудь! У кого найдёшь такую грудь?!

– Кто именно сказал прийти?

– Такой в синем мундире, кра-асивый, с усами! Иди, говорит, Марлина, к нашему герцогу, счастье тебе будет! Где, где моё счастье?

– Убирайся из моей кровати немедленно!

– Голой, что ли? Не пойду! Я честная женщина!

Рядом со мной кто-то сдавленно хрюкал, я кусала кулак, чтобы не захохотать в голос. Мечь сиротки началась.

И тем же утром, запрягая коней, я случайно услышала прозвище герцога, ходившее среди сабельников. Кабан, так его звали. Кабан умён, свиреп, беспощаден, злопамятен, жаден и похотлив.

Да, это точнее, чем Паук.

А направляемся мы сейчас не в Кентар, а в лежащий чуть в стороне от тракта городок под названием Керемен.

Алэр Туан Арс Сейсиль Эл'Суани

Владыка Небесный, ну какой же я тупой, наивный, беспросветный дурак! Настоящий идиот! Глупый ягнёнок, отправившийся ко льву за правосудием! Ну да, мне только восемнадцать, но соображать же надо! Да, я был безумно зол и обижен на соседа, который заискивал и подобострастно гнул спину, пока был жив отец. Но стоило тому уйти – и этот гад, прикидывавшийся другом, тут же попытался оттяпать у меня поле и заливной луг. Мол, отец их ему подарил. И ничего, что нет ни документов, ни слова в завещании, зато якобы есть воля усопшего и дворянское слово. А ещё – подкупленный судья и желторотый юнец, впервые в жизни оставшийся без опеки...

Я уже отчаялся добиться правды, когда неожиданно стало известно, что в наш Керемен приезжает Длани Правосудия Владыки всея Сорренты, их светлость Ульффрик Тауг Эл'Денот. И что к герцогу можно записаться на приём и обратиться со своим делом, буде то важное или не может быть разрешено на местах.

Сказать, что я обрадовался, – это ещё ничего не сказать. Казалось, мне улыбнулась сама судьба! Достал бумаги на поместье, завещание, надел лучший камзол – и отправился на аудиенцию.

Вернулся обнадёженный. Герцог – одетый в чёрное невысокий плотный мужчина средних лет с умными глазами и властными манерами – проявил участие, расспросил о родне, посочувствовал, что я в столь юном возрасте остался совсем один, поговорил о делах, пообещал во всём разобраться и рассудить по закону. И попросил для рассмотрения дела оставить у него все документы.

Как я мог заподозрить подвох?

Домой я вернулся счастливый... и был счастлив целых три дня, пока снова не попытался встретиться с герцогом или хотя бы его секретарём и узнать, как продвигается моя тяжба. Меня остановили на пороге, не позволив даже зайти в особняк. Спросили имя – а потом вытолкали взышей на мостовую. Мол, пускать таких не велено.

Сначала я совершенно растерялся. Как же это? Что произошло? Ведь было же всё хорошо! Герцог ясно дал понять, что я прав, что все бумаги на имущество в порядке. И обещал помочь. Неужели у него побывал сосед и меня оболгал? Может быть, охрана просто что-то перепутала или своевольничает? Похоже, мне надо как-то лично встретиться с их светлостью – наверняка тот и не знает, что меня к нему не пропустили. Но встречу – пожалуй: как можно настолько бесцеремонно обращаться с визитёрами, тем более дворянами!

Два дня и две ночи я караулил у ограды особняка. На третье утро герцог показался во дворе. Я закричал, привлекая внимание:

– Ваша светлость! Это я, Алэр Эл'Суани, прикажите меня пропустить!

Герцог обернулся. Несколько секунд он смотрел прямо мне в глаза – взгляд был презрительным и недобрым. Потом усмехнулся – и отвернулся. Сказал что-то стоящему рядом одетому в синий мундир сабельнику, тот махнул рукой ещё двоим – и те побежали к воротам.

Меня не привели – приволокли.

Но я всё ещё ничего не понимал, точнее, не мог поверить в происходящее. Это же сами Длани, от лица Владыки отправляющие правосудие! Почему, почему их светлость прикидывается, что мы не знакомы, и ведёт себя так, словно видит меня в первый раз?

И только когда я попросил вернуть документы на поместье и услышал в ответ: «Какие-то такие документы? Разве вы мне что-то отдавали?» – до меня начало доходить.

Меня ограбили. Открыто, нагло, бесцеремонно отняли то, чем веками владела моя семья. Точнее, по глупости и наивности я сам отдал всё, что имел. И я ничего, ничего не могу с этим поделать. Кому можно пожаловаться на герцога? Отправиться в столицу и там, без связей или протекции, без единого доказательства на руках, пытаться добиться справедливости?

Кулаки сжались сами собой...

Но, наверное, хорошо, что сабельники схватили меня за плечи и я не успел кинуться на презрительно разглядывающего меня герцога и ухмылявшегося из-за его плеча секретаря. Иначе б кого-нибудь убил. Хотя убить не дали бы – разве только зарубили бы меня самого. Или бросили в темницу за покушение на знатного вельможу.

– Вышвырните его и больше сюда не пускайте!

Я задёргался, пытаюсь вырваться, но они были сильнее. Напоследок один из выволокнувших меня за ограду сабельников подтолкнул в спину и тихо произнёс:

– Иди отсюда, малец, а то хуже будет.

Куда уж хуже?

И что теперь мне делать?

Всю дорогу до поместья я себя бранил и грыз.

Кровь продолжала набатом стучать в висках, мысли прыгали от «убить» до «убиться».

Говорят, «крепок задним умом». Это про меня. Если бы я не сразу кинулся к герцогу, а пошёл к нотариусу и со всех бумаг – дарственных, завещаний, купчих – снял нотариально заверенные копии и уже с ними отправился на приём, может, всё обернулось бы по-другому. Не было бы соблазна и возможности – и всё бы обошлось.

А теперь, когда подлинники документов утеряны, не доказать ничего.

Если завтра на пороге покажутся судебные приставы и меня вышвырнут из родительского дома, куда мне деваться?

Растерянность, беспомощность, униженность, отчаяние, ярость... так плохо мне не было ни разу в жизни, даже когда умер отец.

Нет, надо брать себя в руки. И не сжимать кулаки или рыдать, стуча головой о растущий во дворе фамильный дуб, а думать, как поступить дальше. И вообще думать. А ещё – впредь рассчитывать только на себя.

Но зачем, зачем богатому, знатному вельможе присваивать моё в общем-то средненькое поместье? Вряд ли оно нужно ему самому... Выходит, он хочет его продать. Наверное, несколько сот тысяч золотых и для герцога достаточный стимул, чтобы обобрать и вышвырнуть из родительского дома осиротевшего мальчишку.

Ладно, жалеть себя без толку. Тем более что сам виноват. Надо решать, что делать сейчас.

Одна вещь напрашивалась сама собой. Кроме поместья мне принадлежал маленький городской дом, который к спорному делу не относился, а потому и купчая, подписанная прадедом, и сам дом остались за мной. Вот туда – пока не заявили приставы, сабельники или новые владельцы – надо оттащить всё ценное и памятное, поддающееся перемещению. Сохраню что смогу, а потом стану думать, как вернуть потерянное.

И больше никакой горячки. Тем более что совсем нищим я пока не остался – есть ещё небольшой клочок земли, который в приданое принесла мама.

Обида, как горькая желчь, подступала к горлу. Я не я буду, но герцогу это так с рук не сойдёт! Мог бы убить гада – убил бы на месте. Задушил своими руками мерзавца! Но это не выход... За ним – эскадрон сабельников и власть, за мной – никого. Только клянусь памятью отца: я сделаю всё возможное и невозможное, но бумаги и поместье верну! А потом подумаю, как отплатить.

Грустно усмехнулся: есть одно, хотя и мизерное, утешение – соседу теперь точно не видать ни поля, ни заливного луга, ибо с герцогом не поспоришь.

* * *

Следующие два дня я, как мог незаметно, наблюдал за распорядком жизни в особняке, где расположился герцог. Картина вырисовывалась не радужная: их светлость действительно круглосуточно охраняли пол-эскадрона сабельников. Пройти, прорваться или незаметно проникнуть в дом не представлялось возможным. Если бы у меня были воровские навыки... но бесшумно лазить по крышам и взламывать замки я не умел, этому дворянских отпрысков отчего-то не учат.

Мысль просочиться в дом под видом посыльного или торговца тоже пришлось отменить: такой люд не пускают дальше прихожей, да и то со стороны чёрного хода. И ещё: скорее всего герцог хранит важные документы в надёжном месте, которое сразу и не обнаружить. То есть, по разуму, просто заглянуть, схватить и убежать никак не получится.

Может, попытаться подкупить кого-то из прислуги? Деньги, пусть и не слишком много, у меня остались. Только кому можно доверять, если от меня отвернулись даже те благородные лорды и респектабельные соседи, которых я знал с детства? Просто внезапно перестали узнавать. Словно я в один момент превратился из уважаемого сына уважаемой семьи в прокажённого. Ну, или в невидимку. У несчастья и бедности нет друзей.

Но как же быть?

Наверное, сперва стоит попытаться разузнать о герцоге побольше. Вон, кстати, по улице прочь от особняка шагает компания сабельников. Судя по лицам, настроение у вояк хорошее, даже предвкушающее. И куда же они направляются?

Оказалось, в трактир, выпить. А как за выпивкой не поговорить? А я сяду незаметно неподалеку и послушаю – вдруг что-нибудь интересное или полезное услышу?

После первого тоста за честь и доблесть – хотя какая доблесть в том, чтобы охранять такую вот вельможную гниду? – разговор закономерно перешёл на дам. Кто такая Марлина, которую с хохотом поминали и за здоровье которой даже выпили, я не понял. Но уяснил, что их светлость неравнодушен к женскому полу и в каждом городе, который изволит посетить, находит подруг. И особенно почему-то любит рыжих.

Ну и что мне это даёт? Я же не девица и не рыжий, а светловолосый парень, пусть и довольно хрупкого сложения. Пару раз меня даже принимали за девчонку, потому что усов пока нет, но...

Хотя какое «но»? Это же может быть выходом! Мне ведь только-то и надо проникнуть в дом, а целоваться или чего ещё я не собираюсь. Насколько такое реально? Нет, всё же это бред... Но если не найду другого выхода? Эх, не попробую – не узнаю.

Однако, в любом случае, делать такое в Керемене нельзя, слишком многие знают тут меня в лицо.

Придя домой, встал перед зеркалом и начал себя разглядывать. Подумал немного, разделся до пояса и задрапировался в простыню. И что мы имеем?

Худощавый, узкокостный, рост чуть выше среднего, светлые волосы длинные, как принято у благородных лордов, лицо продолговатое, черты тонкие – говорили, что внешностью я

пошёл в бабку восточных кровей, глаза серо-голубые, кожа чистая. Но на девушку абсолютно не похож.

А почему?

Надул губы. Посмотрел на себя ещё раз – сходство не увеличилось, зато возникло острое нездоровое желание плюнуть или въехать себе самому в глаз. Замотанный в простыню полу-голый парень корчит рожи перед зеркалом, тьфу!

Кстати, после двухдневного сидения в той не самой чистой подворотне стоило бы помыться.

И выспаться.

И поесть.

А потом уж на ясную голову соображать, что делать дальше.

Проснулся с рассветом – обстоятельства к ленивой неге не располагали. Сел на краю постели и задумался, уставившись на пальцы босых ног: ну как, пытаться претворить в жизнь возникший в голове безумный план или измыслить что-нибудь другое? «Другое», конечно, было бы лучше... вот только в голове не было ни единой идеи. А если слишком затянуть, то присвоивший моё поместье герцог может успеть продать его третьему лицу, и тогда предпринимать что-либо будет поздно.

Значит, пока делаю что могу. Возникнет лучший вариант – попробую осуществить его.

Поднявшись, не стал одеваться, а как был, в батистовой широкой ночной рубашке и без штанов отправился наискосок через коридор в комнату матери, стоящую закрытой с тех пор, как матушка пятнадцать лет назад покинула нас. Конечно, духи на комодке уже выдохлись, но пудра и платья в шкафу должны же остаться?

Усевшись на плюшевый пуфик перед трюмо, начал озадаченно рассматривать баночки и вертеть скляночки. Как-то их подозрительно много. Вот это, наверное, румяна. Или помада? А что вон то, сиреневое с блёстками? Попытался припомнить, не видел ли таких чудес на знакомых девушках, – нет, ничего на ум не приходит.

Ладно, попробую пока примерить какое-нибудь платье. Гм-м, вот это вишнёвое бархатное выглядит очень даже неплохо.

Лучше бы не пробовал. Сразу по двум причинам. Во-первых, после того, как я разобрался, в каком порядке следует заползать в эту конструкцию, нашарил рукава и просунул голову в ворот, не стоило смотреться в зеркало. Вид был нелепым, несуразным, странным... каким угодно, но не привлекательным или соблазнительным. А во-вторых, именно в этот интересный момент дверь распахнулась, и на пороге появилась моя бывшая кормилица – тётушка Фиорда.

Была тётушка женщиной доброй, сострадательной, предельно порядочной – но слишком заботившейся о правилах и приличиях. В детстве я сердился, что мне не позволяют лазить по деревьям, потому что «молодому лорду не по чину вниз головой на ветке болтаться». Когда подросток – Фиорда вычитывала насчёт того, что «скакать на неосёдланной лошади – опасно и неприлично, что соседи подумают о наследнике?» и «как же вы, воспитанный и приличный молодой человек, могли подраться и наследнику господина Пивода нос расквасить?». Отлично помню эту историю, за дело тогда гаду нос разбил – нечего девчонок до слёз доводить, лорд ты или кто.

И вот тётушка Фиорда возникла в дверях.

Спасибо, не завизжала. Но руками всплеснула и начала:

– Ой, батюшки святы, молодой лорд, вы от горя совсем ума решились, что такое непотребство учиняете? Как же можно женское-то платье на себя мерить?

– Фиорда, успокойся. Мне надо попасть в одно место, куда меня-лорда не пустят, а девушка пройдёт спокойно. А нужно это затем, чтобы спасти наследство. Ситуацию я же тебе объяснил.

День назад я уже предупредил слуг, что хозяин может смениться. Показалось, что так будет честнее.

– Всё равно, наследство или что, а рядиться так негоже! Если узнают, что о вас подумают? А коли б вас покойный батюшка увидел?

Батюшка, думаю, одобрил бы любые меры, способствующие возвращению семейного достояния, заберись я хоть в лошадиную шкуру и заржи. Но Фиорде это объяснять бесполезно – будет стоять на своём, ибо непостижимым образом верит, что если вести себя хорошо, то бишь согласно всем правилам, к которым тётушка причисляла законы, этикет, традиции и все известные ей суеверия, с небес на тебя снизойдёт мировая справедливость и проблемы рассосутся и уладятся сами собой.

– Давайте помогу снять платье, пока никто не увидел! А потом приходите завтракать, я вам вкусную кашку сварила! – растопырив пальцы, подступила ближе кормилица.

И фиг откажешься... И от непрощенной помощи, и от «вкусной кашки».

Но столкновение с Фиордой навело на дельную, как показалось, мысль. Самому мне не справиться с преобразованием. Превращение в девушку оказалось намного, намного сложнее, чем представлялось с первого взгляда. Нужна помощь. И, кажется, я знаю, к кому можно обратиться.

Примерно год назад я ввязался в одну из историй, о которых не расскажешь Фиорде. Случайно увидел в городе, как трое парней – не лордов, так, подмастерьев каких-то – прижали в переулке девчонку. Ну, я и помог. Парней разогнал, а девчонка, хоть тоже не леди оказалась, мне понравилась: живая, смешливая, на язык острая. От предложенной «благодарности» я отказался, ну совсем неудобно такое с той, кого в первый раз в жизни пять минут назад увидел. Но после этого неоднократно Вириль – так её звали – в Керемене встречал. И знал, что устроилась она неплохо – один из городских заправил, заседавших в ратуше, предложил ей покровительство. И выглядела Вириль теперь совсем как леди.

Икая после каши, пошёл седлать коня. Возьму с собой несколько платьев, которые кажутся подходящими, и съезжу к Вириль. Если и та скажет, что из меня леди как из кошки собака, тогда отступлюсь и начну искать другой путь.

Я злился.

Не на шутку.

Потому что, вытянув из меня всю историю, эта зараза начала хохотать. Не соболезовать или, хотя бы для приличия, строить серьёзную мину – а плюхнулась на розовую полосатую оттоманку, залилась смехом и даже ногами задрыгала так, что шёлковые чулки сеточкой стало видно!

Проследила за моим возмущённым взглядом:

– Гляди, гляди, сейчас и на тебя такие натянем!

Отсмеявшись, легко прыгнула на деласский ковёр. Кстати, богато ей лорд дом обставил...

Обошла вокруг меня. Вдохнула:

– Каблуки при твоём росте заказаны. А жаль.

– Красивее было бы?

– Нет, смешнее! – отозвалась Вириль без нотки сочувствия в голосе. – Раздевайся!

– Совсем?

– Конечно, совсем, а ты как думал?

Да я уж и думать боюсь... Сейчас как начнёт издеваться!

Угадал. После того, как я стянул сапоги, камзол со штанами, а потом и исподнее – Вириль всё это время сидела на полосатой оттоманке, кокетливо обмахиваясь веером и без малейшего смущения меня рассматривая, – оказалось, что нижние портки можно было не снимать. Я аж покраснел от гнева.

– А что? Мне давно интересно было, какая у тебя задница. Ничего так! – и подмигнула. Ну как можно с такой спорить, а?

– Кстати, пока мой господин и повелитель заседает в ратуше, не хочешь посмотреть, что и как на мне надето? Неинтересно? Ой, как ты мило краснеешь!

Вот же зараза!

– Прости, ты мне очень нравишься, но...

– Не продолжай, поняла... Но, если помогу, будешь в долгу, и потом я припомню, – лукаво улыбнулась, блеснув жемчужными зубками, поправила завитой локон. – Готовься! Сейчас что-то будет.

Что-то – это был корсет.

Я подозревал, что леди часто дышат и при малейшем волнении хлопаются в обморок неспроста – и не зря. Известно, что дышать можно животом – то есть наполнять воздухом нижние отделы лёгких – или неглубоко, поверхностно, при этом движется лишь верхняя часть груди. В корсете возможен, и то в урезанном варианте, лишь второй способ.

Вириль, затянув шнуровку на этом орудии пытки, наматывала вокруг меня круги, довольно разглядывая и напевая под нос. Я чувствовал себя куклой, попавшей в жадные лапки ребёнка-вивисектора. Рыпнулся было к зеркалу – но был остановлен:

– Подожди, рано! Можешь вообще закрыть глаза.

Спасибо, я лучше всё-таки посмотрю.

– Придётся носить бюстгальтер, иначе накладная грудь не будет держать форму, а то и вовсе сползёт. Платья рекомендую с воротником под подбородок – кадык надо спрятать, но от ямочки у ключиц и почти до ложбинки груди стоит показать тело – кожа у тебя гладкая и белая, будет соблазнительно, но достаточно скромно. Вырез сделай овальным, ромбовидным или в форме листа, банальное сердечко – это пошло. Можешь затянуть прозрачным кружевом. Нагнись! И запоминай, как и что я делаю... вообще-то бюстгальтер надевают до корсета, но мы забыли, поэтому сделаем наоборот. Почему задом наперёд? Тебе так будет проще застёгивать. Кстати, ты мне должен ползолотого за эту тряпочку. Или ладно, пусть будет подарок, ты же меня тогда за так спас, и я тебя обирать не стану... – Хихикнула: – Тебя уже обобрали!

Неужели все женщины так много говорят? Вот так, непрерывно, без передышки, щебечут и щебечут? Вроде и по делу – но голова уже кругом...

– Говоришь, привёз несколько платьев? Ну, давай посмотрим... Нет, это не пойдёт, такие рукава давно не носят! И это тоже... только что можно юбку взять, но верх перешивать надо. Вот это, синее... ты ж не в монастырь собрался? Короче, всё надо переделывать или заказывать новое! Ладно, одолжу тебе своё персиковое, будет коротковато, но сойдёт для примерки. Сейчас принесу!

После нахлобучивания платья – добродетельная Фиорда точно бы бухнулась от такого зрелища в обморок – меня усадили в кресло на предмет нанесения макияжа и завивки волос.

Волосы эти ведьмы завивают, как оказалось, горячими щипцами. Макияж... тут без зеркала сказать было нечего. Разве только удивило, что внимания удостоились даже мочки ушей. Вириль ещё и посетовала, что те у меня не проколоты. Нет, уши попрошу не трогать!

За уши Вириль отыгралась на бровях. Переспросила, точно ли я решил обрядиться девицей, услышала в ответ неуверенное «да» и начала меня истязать, выдёргивая по одному волоски и приговаривая, что лорды нынче обросли как медведи.

Возились мы почти два часа. Наконец Вириль оглядела меня в последний раз искомандовала:

– Подойди к зеркалу и посмотри!

Владыка Небесный – это кто? Девица – талия тонюсенькая, юбка пышная, грудь – я бы на такое обратил внимание, хоть и невелика, – лицо... Уставился в голубые глазищи с длинными тёмными ресницами – лицо красивое.

– Глаза я оттенила тенями, потому и цвет кажется ярче, – сообщила Вириль, искренне наслаждавшаяся моей реакцией. – Теперь надо позаботиться об обуви. В сапогах же ты ходить не будешь?

Ну да. И босиком в шёлковых чулках с подвязками, как сейчас, тоже.

Наверное, я б долго ещё пялился на себя, такого женственного и элегантного, если б от входа в комнату не раздалось «кхе-кхе!».

Обернулся – и застыл. Вернулся хозяин. И я его знал! Мы были знакомы! Что сейчас будет!

– Пришёл пораньше, милый, – заворковала Вириль, – сейчас принесу тебе подогретого вина с корицей и почищу фрукты – перекусить. А ко мне подружка заглянула совета спросить. Говорим вот о платьях, о модах, в общем, о девичьем.

Лорд прищурился, обвёл меня внимательным, даже каким-то плотоядным взглядом, чуть наклонился вперёд, причмокнул... Это что ж такое? Этот безнравственный тип не только в молодой леди старого знакомого не узнал, но выказывает явный мужской интерес!

– Нет-нет, милый, и не думай! Лоретта уже занята! А будешь на неё дальше смотреть, как орёл на куропатку, обижусь!

Тоже мне орёл тут нашелся! Петух облезлый! А я теперь, оказывается, Лоретта!

Вириль, стоя в двух шагах от своего покровителя, поигрывала веером.

Лорд минуту хмурился, потом рассмеялся:

– Хорошо, сейчас уйду, но вернусь через два часа. Будь готова!

Вириль прикрыла веером подбородок и часть щеки, склонила голову с прихотливо накрученными локонами, лукаво улыбнулась.

Лорд рассмеялся и вышел вон.

– И что это было? – заморгал я вслед.

– Смотри, как удачно – он тебя принял за девицу! Причём привлекательную. Значит, и остальные не распознают обман! Или ты спрашиваешь о языке веера? Ты что, его не знаешь?! И хочешь изобразить леди?

Язык этой складной финтифлюшки? Как-то данная наука прошла мимо меня.

Оказалось, что последний жест, с прикрытым подбородком и склонённой головой, означал кокетство. Но выразить можно было многое – от того, что за собеседниками наблюдают чужие глаза, до признания в любви. И цвет самой безделушки тоже имел значение.

Может, отступить от больной идеи выдать себя за леди, пока не влип во что-нибудь, неправильно махая веером?

Итак, мне нужны подходящие гардероб и обувь. Подбором и покупкой предметов первой необходимости обещала заняться Вириль, хотя я испуганно охнул, услышав, во сколько это обойдётся.

Ещё я должен научиться за три дня сам себя красить, завивать и одевать, что на первый и даже второй взгляд казалось задачей, непостижной уму. Особенно после близкого знакомства со шпильками и булавками.

Зато достойный экипаж с конями, спасибо родителям, у меня имелся. Волосы Вириль мне посоветовала вымыть хной или, если хочу не рыжий, а более тёмный, каштановый оттенок, хной с мизерным добавлением басмы. Первый раз Вириль мне поможет. А то сделаю себя по неопытности каким-нибудь малиновым или вовсе псивым...

Ясно: на глаза добродетельной Фиорде мне – с выщипанными бровями и крашеному – лучше не попадаться. Не поймут.

А ещё Вириль обещала узнать, куда герцогский кортеж собирается ехать дальше.

– Это легко! Улыбнусь кому-нибудь из сабельников и через три минуты буду всё знать!

Эх, если б не эти сабельники, надел бы я чёрную маску и ограбил вельможного гада по дороге! И все дела – никаких шпилек и юбок! Жаль, не выйдет.

Но одеваться – это кошмар! Хуже только причёсываться. И что, спрашивается, я должен отвечать на вопрос, почему у меня все бантики получаются кривыми? Судьба у них такая, у моих бантиков.

И у меня судьба... Прощай, Кермен, я пошёл в дамки.

Причём нестандартным путём, не так, как обычно лорды ходят.

Глава 6

Если дела идут плохо – не ходи с ними.

Э. Пресли

Эльма Тьери Эл'Сиран

После пришествия Марлины герцог пребывал в тихом бешенстве три дня. И, главное, виноватых не найти: посыльный передал то имя, которое услышал, пейзажка явилась по первому зову – никакого неповиновения или неуважения... а что оказалась не той, кого хотел, так сам ошибся, понятнее и подробнее объяснять надо было.

О своей роли я скромно молчала. Тем более что проблем и без того хватало. Например, я несколько запоздало сообразила, что мне, как слуге их светлости, полагалось какое-то жалование. Не стану ж я полгода чистить коней и трястись на козлах или запятках за так? Конечно, теоретически такое было возможно, зашитые в широкий нательный пояс монеты позволили бы безбедно прожить и дольше... Но разве подобное аномальное бескорыстие не вызовет подозрений? Значит, надо с кем-то обсудить оплату своих услуг. А с кем? Сунешься к герцогу – а тот возьмёт да и выгонит. Фарш-то давно не чудил, подзабылись его кренделя... Может, подъехать к секретарю?

И тут же лезла вторая проблема. Я не хочу вечно оставаться на конюшне. Конюшенный мальчик – не та фигура, которая может попросить рекомендательное письмо при уходе. И не та, которой позволено невозбранно шастать по дому в поисках нужных бумаг или компромата на хозяина. Значит, нужно изыскать способ втереться в доверие, приблизиться, стать личным помощником секретаря или даже самого Кабана.

Вот как, спрашивается, мне такое повернуть?

Бытовые неудобства – облезший нос в веснушках и появившиеся от вожжей и скребницы на ладонях мозоли – беспокоили меня куда меньше. Если всё получится, то пара месяцев тёплых ванн, кремы с оливковым маслом и травами, да просто даже тривиальные кружки огурца на физиономию помогут всё исправить. А если попадусь – пусть потенциальный муж поглядит на девицу с облупившимся носом, альтернативной причёской и сомнительным приданым – заложенным домом и конезаводом, испуганно сглотнёт и сбежит восвояси, искать партию повыгоднее и поприличнее.

Гм, у кого бы узнать, сколько у нас в Сорренте платят герцогским слугам?

Обсудить жалование я всё же решила с секретарём герцога, господином Мерсьеном. Выбрала время, когда тот был не раздражён, не озабочен, не озадачен – то есть прохладным вечерком после сытного ужина, подошла, поклонилась:

– Лорд Мерсьен, разрешите обратиться?

«Лордом» этого лизоблюда в коричневом я назвала на всякий случай. В данный момент я – проситель, так что лишний политес, разбавленный лестью, не повредит.

– Чего тебе?

– Меня зовут Тьери Сиран, их светлость взяли меня смотреть за меровенцами. Я стараюсь, – поклонилась ещё раз, – только... – замолчала и с надеждой уставилась снизу вверх, в мерсьеновскую физиономию.

– Что только? Ну, не мямли, говори!

– Мне ничего не платят! – выпалила я. – А разве по статусу герцогскому слуге ходить в штанах с заплатами или прохудившихся сапогах?

– Что на улицу выкинут, не боишься? – Сейчас Мерсьен разглядывал меня со снисходительным любопытством, как кот, прижавший лапой неосторожную мышь.

Вот только я не мышь. И, наверное, можно это слегка продемонстрировать.

– Не боюсь! Я при этих конях с рождения. Они особенные, к ним подход нужен. И кормить правильно надо, чтобы шкура не поблекла, а то станут не золотыми, а обычными соловыми. Так что без меня никак, дядька Фернап таких тонкостей не знает!

– Не знает, говоришь?

– Не знает! Спросите у него сами, сколько яиц в неделю давать надо? – поджала я губы и вытаращилась круглыми глазами на Мерсьена.

– Яиц? – вытянулась секретарская физиономия.

Явно крутит сейчас в мозгу картинку Фарша, корзинами пожирающего яйца.

– А кроме яиц ещё много чего нужно. И вообще я могу быть полезным, потому как грамотный и молодой, резвый. Если нужен посыльный или писарь – я гожусь!

– Уж да, молодой и резвый – этого не отнять... – вытянул Мерсьен губы дудочкой, задумчиво меня рассматривая. – И миловидный, даже весьма...

Это он к чему? Как-то мурашки по позвоночнику от его комплиментов.

– Может, и впрямь будешь полезен. Ладно. Жалованье – пять серебряных эйлеров в неделю. И я за тобой слежу!

– Накиньте ещё два эйлера на яйца, льняное семя и морковь. Сам покупать и кормить буду – станут не кони, а золото! А вообще, если буду хорошо работать... – сглотнула и поклонилась снова, – в помощники меня возьмёте? Такому лорду, как вы, точно помощник по статусу полагается!

Ну, если эта бочка лести секретаря не проняла, дальше обхаживать его бесполезно. Разве что только не найду других путей.

Мерсьен прищурился и шутливо погрозил пальцем:

– Я за тобой слежу!

– Рад стараться, ваше благородие! – воспроизвела я с подобающим энтузиазмом подслушанную у сабельников формулировку.

Через пару дней мы въехали в городок под названием Керемен.

Я покачивалась на козлах рядом с дядькой Фернапом и крутила головой. На первый взгляд сей населённый пункт казался родным братом нашего Меровена – те же булыжные серые мостовые, по которым часто стучат колёса, похожие двух – или трёхэтажные особняки с балконами, обнесёнными фигурными чугунными балюстрадами. На перилах, заметим, ничего не висело. Неужели здешний городской Глава не ворует? Или у него другой подход? А вот те две подпрыгивающие от возбуждения и нетерпения барышни на балконе впереди кого-то подозрительно напоминают... Надеюсь, таза там под рукой нет?

Наверное, попав в беду, я одним махом повзрослела.

Вот только беда не приходит одна. Следующую напасть – девчонку в замызанной красной кофтёнке и пёстрой ситцевой юбке, вынесшую сабельникам поднос с кружками и большим кувшином домашнего сидра, – я распознала не сразу. Но нам ещё предстояла встреча, и какая!

Переодеваясь мальчишкой, я совершенно не рассчитывала, что на меня будут обращать внимание особы противоположного пола, то есть девицы. Что с меня взять-то? По виду юнец юнцом, ни мышц не нарастил, ни даже усов пока нет. И денег, как понятно, нет тоже. Но оказалось, что некоторым озабоченным извращенкам это не помеха.

И, хуже того, если благородная леди, которой приглянулся кавалер, начинала строить глазки, покусывать розовые губки, призывно помахать веером, то у простолюдинов всё происходило проще и неотвратимее.

На меня налетели в тёмном проходе конюшни и буквально впечатали в стенку:

– Я Хава. Ты где спишь? Я к тебе ночью приду! А постарайся, буду тебе с кухни остатки жаркого носить! На меня сабельники не смотрят, а ты, я поглядела, миленький.

Мама! Какая-то Хава? Что ей надо-то от меня? Хотя как что? Она ж сформулировала ясно: тело в обмен на мясо. Тётя бы, глядя на мои вытаращенные глаза, обхихикалась... Вот же зараза... И – Хава, родная, ты зубы хоть раз в неделю чистишь?

Отпихнув Хаву, бросилась прочь по коридору к деннику Кусаки – тот меня в обиду не даст. Рванула дверь и нырнула под шею коня. Еле успела – Хава сопела прямо в спину. Зря это она, Кусака кусает не только удила...

Визг позади подтвердил репутацию норовистого мерина. Своё прозвище он получил не зря и мог заслуженно гордиться списком подвигов, к которым только что добавился ещё один.

Оглянулась. Сидящая на полу Хава обиженно потирала плечо. Губы распялены, носом хлопает, вот-вот заревёт. Даже жаль её.

Но снова подпускать Хаву близко нельзя. Начнёт лапать – живо разберётся, что на моей натальной рубаше подкладки на плечах, чтобы те шире казались, что на талии пояс, чтобы сделать ту посолиднее, что грудь затянута и что – главный конфуз! – к штанам изнутри тоже пришит карман с сунутой туда тряпкой, чтобы создать иллюзию того, чего у меня от природы быть никак не могло.

Вообще, девица, удирающая от другой девицы, – разве это нормально?

Кусака коротко заржал и мотнул башкой. Вот-вот, даже конь в изумлении от таких странностей!

Хава поднялась с пола, отряхнула юбку:

– Мне сейчас ужин готовить, но потом я вернусь, жди.

И никаких сомнений в своём праве. Наверное, потому, что я сейчас на иерархической лестнице не выше её, а физически даже слабее. Похоже, быть миловидным мальчиком иногда не проще, чем миловидной девочкой с приданным. Так что делать-то?

Кстати, вопрос непростой. Для любой выросшей на пленэре юной леди, если только она не страдает хронической слепотой и глухотой вкупе со слабоумием, не является секретом, что большинство селян и селянок приобщаются к радостям жизни в весьма нежном возрасте. Правда, в деревнях всё обычно заканчивается свадьбой. Но в городах нравы свободнее. Или эта Хава надеется, что я на ней женюсь?

А что? Скажет, что спали вместе, и как докажешь, что ничего не было и быть не могло? Конец света!

И как поступить?

Задумчиво посмотрела на Кусаку. Потом на пол денника, покрытый толстым, в две ладони, слоем свежих опилок. В памяти всплыла картина, поразившая меня однажды в детстве. Был у нас на заводе племенной жеребец Пейранш – в обиходе просто Пряник – строгий, норовистый, злой. И были кошки. Потому что там, где есть овёс, всегда заводятся мыши. И, если тех не ловить, вместо конефермы получим мышеферму. И вот однажды я застала следующую картину: в деннике Пряника, прямо на опилках, свернувшись уютным клубком в самой середине, спала серая кошка. А злой и норовистый хозяин переминался с ноги на ногу, забившись в угол, и только иногда вытягивал шею и косил тёмным глазом на хвостатую гостью. А кошка беззаботно дрыхла и ни о чём не беспокоилась.

Как-то потом я попробовала повторить кошкин подвиг, но отец меня отругал. Сказал, что даже самый умный конь может испугаться резкого звука или метнувшейся тени, и тогда затопчет и покалечит не со зла или намеренно, а случайно.

Но Кусака при мне не шархался ни разу. Разве что из солидарности с Фаршем. Значит, принесу пару попон и буду ночевать здесь. Эх, не светит мне ни горячая ванна, о которой я столько мечтала, ни уютный сеновал с душистым разнотравьем... Ну что за Хава! Кухарка, а хуже герцога!

На второй день осады я задумалась: а нельзя ли как-то перенаправить внимание озабоченной девицы на другую цель? Что она там говорила? «Сабельники на меня не смотрят». Ну да, я б тоже не просто не смотрела, а отвернулась и сотворила отвращающий зло знак.

Может, есть способ устроить личную жизнь Хавы и тогда уж спокойно заняться своими делами? А то я за неделю, которую нам сидеть в этом Керемене, с ума сойду. Ещё и герцогский конюх подкальывает. Только расслаблюсь, как:

– О, Хава идёт!

И ржёт как конь, глядя, как я сигаю с места в ближайший денник и начинаю нервно озираться. Весело ему!

Зародившаяся мысль постепенно развилась в целый план, который я и начала воплощать, заговорив с возникшей в очередной раз на горизонте кухаркой. Беседовали мы, надо заметить, стоя по разные стороны конюшенной решётки.

– Хава, а если б на тебя кто из сабельников внимание обратил, был бы я тебе нужен?

– Скажешь тоже! С чего это им?

– Я попробую помочь. Но дай слово, что оставишь меня в покое.

– А ты что, не можешь, что ли?

И что ответить?

– Не могу. Слово дал.

– Кому дал?

– Не твоё дело. Так помочь тебе или нет?

– А что ты можешь?

– То! Я видел, и много раз, как молодые леди за собой ухаживают. Могу объяснить, но делать будешь сама. Я только поправлю, если что не так.

Хава задумалась. А я разглядывала её и прикидывала, с чего начать. Если оставить основу – фигуру, черты лица – не такая она и страшная. Но одета как пугало и чесноком на пять локтей вокруг воняет.

Наконец Хава набычилась и сообщила:

– Ладно, я согласная. Но ежели обманул – берегись, хуже будет!

– Ты слово дала. Обманешь – Девы Небесные накажут, никто на тебя вовек не глянет, поняла? А теперь слушай!

Самым сложным оказалось разобраться с гардеробом, потому что тратить свои деньги на кухаркины туалеты я не собиралась. А выбрать что-то из кричащего набора тряпок, которые Хава звала нарядами, было невозможно.

– Почему у тебя кофта красная?

– А я слышала, что мужчины на женщин в красном внимания обращают больше!

– Ладно, допустим. Но почему тогда юбка зелёная и в разводах? И грязная?

– Красиво же, разве нет?

– Юбку в стирку и погладить не забудь. Кофту постирай тоже. И будешь носить с ней это и это, – ткнула пальцем в пару юбок самых спокойных, коричневого и серо-голубого, цветов.

– Они же некрасивые! Совсем не яркие!

– Хава, вещи должны сочетаться. Мужчины могут не понимать, что им не нравится, но попугаев никто не любит.

– Да-а?!

Зачем я в это ввязалась? Хотя понятно, зачем. По ходу дела Хава проговорила, что она сирота. Вот и стало жалко. Наверное, её в жизни никто ничему не учил, только шпыняли и смеялись. Но вычищенные мелом зубы и аккуратная причёска уже изменили картину к луч-

шему. Теперь одеть нормально, объяснить, как себя вести – например, что не надо на сабельников грудью вперёд кидаться, – и, может, всё у девушки наладится.

Или наоборот.

Подумала – и чуть не хлопнула себя по лбу: что я творю? Допустим, проведёт кто-то с Хавой ночь... а она возьмёт да забеременеет! Что тогда будет? Не останется ли это простодушное пугало, ищущее счастья, в придорожной канаве с младенцем на руках? Что, если отвратный вид и запах были защитой, данной богами? Как быть-то?

– Хава, если всё получится... ты понимаешь, что может появиться ребёнок?

– А то! Кто ж такого не знает! Только травки есть, чтоб не попасться.

М-да. Кажется, простодушная тут не Хава.

Но зато есть шанс, что сегодня я смогу наконец спокойно выспаться на сеновале, без опасений проснуться с отпечатком копыта на милом личике.

В итоге я так и не осмотрела Кермен. Только успела сбегать один раз на местный рынок за льняным семенем. Морковь и яйца я решила позаимствовать на местной кухне. На обратном пути собиралась заглянуть в трактир, снять на пару часов комнату и заказать ванну, но не вышло: в зале внизу выпивали сабельники.

Так что я была искренне рада, когда дядька Фернап сказал, что герцог дела закончил и завтра кортеж трогается дальше.

Обидно-то как – я ни к документам ближе подобраться не успела, ни города толком не видела.

Считать ли утешением то, что последние три дня Хава притаскивала мне полные миски горячего острого жаркого и, теребя за рукав, благодарила и просила рассказать ещё что-нибудь полезное из жизни леди? Так и тянуло поделиться житейской мудростью: «Дева, избегай медных тазов, и будет тебе счастье!»

* * *

В пути, а направлялись мы теперь в Кентар, где у герцога имелся большой городской особняк и где, как я полагала, меня уже поджидала тётя Анель, всё вернулось на круги своя.

На второй ночёвке я сумела удрать к реке и нормально вымыться. Радость-то какая! Нет, надо выбиваться из конюхов в помощники секретаря и стараться получить хоть конуру в подвале, хоть каморку на чердаке, только чтоб была отдельной и дверь запиралась. Иначе пять месяцев с хвостом мне не продержаться.

Кстати, я обдумала своё поведение и решила по возможности не лгать. Увиливать, говорить не всю правду, но так, чтобы обвинить меня во вранье было невозможно. Если кто-то не так ставит вопросы и неверно понимает ответы, я же не виновата? Однозначно не виновата, и уголовный кодекс в том со мной согласен!

На второй день кортеж задержался. Помехой стало стоящее на обочине ландо с сидящей в нём юной леди с белым кружевным солнечным зонтиком и в белых же митенках. Летнее платье с пышным воротом было розовым, сколотые на затылке волосы с одним падавшим на шею локоном – рыжевато-золотистыми. В одной руке зонтик, в другой – веер. Сидящая на козлах я завистливо вздохнула: когда б не тот злополучный таз, я тоже могла бы ехать по дороге в личной коляске и наслаждаться ветерком. И не болела б у меня голова от мыслей о том, что делать, и не чесались бы от жары и невозможности искупаться остальные части тела...

Стоящий на дороге кучер, сокрушённо цокая языком, оглядывал лошадь.

Невероятно – но их светлость не только остановился, но самолично вышел из кареты. Поглядел на леди, приблизился, заговорил. Я даже поразилась – каким, оказывается, галантным и предупредительным может быть Кабан! Кстати, а что произошло-то? Так, понятно, лоп-

нула постромка, а на дороге такое не починишь, там запасные постромки не валяются. Ух ты! У герцога сегодня что, приступ человеколюбия? Велел дядьке Фернапу выдать постромку из наших запасов, а двум сабельникам спешиться и помочь. Или тут что-то другое? Иначе не приглашал бы девицу в карету, подвезти до ближайшего постоялого двора.

Леди задумалась и медленно сложила белый веер, выражая сомнение. Потом снова открыла на треть и, подняв, закрыла половину лица. Угу, ясно, подчёркивает нерешительность. Герцог, похоже, тоже понимал этот язык, потому что усмехнулся и галантно протянул руку:

– Не беспокойтесь, даю слово благородного человека, что со мной вы будете в безопасности. Негоже леди оставаться одной на дороге.

– Но я не одна, со мной кучер!

Голос показался чуть низким, но звучал мелодично и приятно.

– Я настаиваю.

– Хорошо, прислушаюсь к вашим словам, лорд.

Веер полностью раскрылся, голова чуть склонилась набок. Угу, выражает благодарность Кабану за заботу и участие.

Леди протянула руку, прикоснувшись пальчиками к длани герцога. М-да, надеюсь, она знает, что делает...

Алэр Сейсиль Эл'Суани

Нет, я спячу с этим веером! Смотреть прямо в лицо врага, видеть улыбку подлеца и знать, что пока не можешь ничего поделать с этой гнусной рожей, – само по себе испытание не из лёгких. Но одновременно улыбаться в ответ, трепетать, как учила Вириль, ресницами и лихорадочно соображать, должен я раскрыть или закрыть эту чёртову финтифлюшку, чтоб меня верно поняли, – это настоящий кошмар!

Торчать на дороге пришлось больше двух часов. Достаточно, чтобы я оценил все прелести пышного платья, надетого поверх корсета, при такой жаре. Да ещё пришлось отваживать двух встречных доброхотов, рвущихся помочь леди в беде. Но манёвр удался.

Герцог не только не признал в юной Сейсиль – я решил использовать одно из собственных имён вместе с фамилией матери – обобранного им молодого человека, но принялся за мной ухаживать! Пригласил в карету, предложил вина, а когда я разумно отказался, лимонада и принялся развлекать историями из жизни столичной знати. Истории, замечу, были остроумны и чуть фривольны. Если б не присутствие в карете секретаря, господина Мерсьена, я бы, пожалуй, забеспокоился. А так просто держал веер приоткрытым на четверть, изображая скромность и неуверенность, и мило улыбался.

По плану я должен был доехать с герцогом до постоялого двора, где останусь ждать своё ландо. Но этот эпизод станет завязкой будущих отношений – при следующей встрече я уже не буду незнакомкой.

Как объясняла Вириль, принцип охоты на мужчин прост: находиться в поле зрения, но вне досягаемости. Дразнить, отступать, будить охотничьи инстинкты. Желаящий женщину мужчина способен на многое, в том числе и на глупости.

Что, собственно, мне и надо.

Глава 7

*Не придавай важности сегодняшним огорчениям. Завтра у тебя
будут новые.*
А. Шёнберг

Эльма Тьери Эл'Сиран

От вида с холмов на раскинувшийся вдоль излучины широкой Меры город захватывало дух. Высокие сияющие на солнце, увенчанные шарами шпили храмов, светлые дворцы, кущи садов с терракотовыми крышами прячущихся в них особняков и изящные, кажущиеся отсюда невесомыми дуги мостов через реку. До чего же красиво! Я и не представляла, что Кентар такой.

Особенно приятно, что я могла сколько угодно вертеться на облучке, дёргать за рукав дядьку Фернапа и тыкать в пространство пальцем, спрашивая снова и снова: «А там что? А там?»

Настроение было отличным, даже каким-то летящим. Почему-то сейчас, когда мир до самого края лежал впереди как на ладони, верилось в лучшее. В то, что я со всем справлюсь и всё закончится хорошо.

Замечу, что вчерашний день тоже был неплох. Можно даже честно и полноправно сказать – удался. Провела я его творчески, то есть натворила что могла, добавив пару капель в копилку свершённой мести. А что? Тётя любила повторять, что карма существует. А за то, что учинил их светлость Кабан, расплачиваться ему и расплачиваться...

А я помогу.

Началась моя мелкая месть позавчера, когда в небольшом саду за конюшней придорожного трактира, где мы остановились на ночлег, я наткнулась на забытый таз со свежесваренными цукатами. Хихикнула: наверное, ещё одна помощница кухарки разум от вида бравых сабельников потеряла. Даже марлей лакомство не прикрыла, вон ос вокруг сколько летает. А некоторые уже и не летают, а сыто и неспешно ползают по скамейке, на которой стоит таз. Хихикнула второй раз, вспомнив по аналогии, как драпала их светлость от наших пчёл.

Гм, а что-то в этом есть... Мысль заработала: осы – пчёлы – пакости. Что бы такое учинить при помощи ос? На ночь осы возвращаются в гнездо и спят до рассвета. А дело теперь близится к закату – низкое солнце уже не жёлтое, а красное, тени длинные... Если ос ловить, то прямо сейчас. А как? Гм, вроде я видела, стояла на открытом окне большая жестяная кружка, позаимствую её. И кусок деревяшки, чтобы прикрыть посудину сверху. Отлично! А теперь той же деревяшкой соберу десяток обожравшихся ос в кружку. И, как начнёт смеркаться, высыплю их на сиденье кареты. Дверцы там застеклённые, до утра мой улов никуда не денется. Осы – твари настырные. Летать ночью вряд ли станут, но наверняка расползутся и попрячутся по щелям между подушками и по складкам бархатных занавесок. А утром, как начнёт жарить солнце, а экипаж примется гроыхать и качаться на дорожных ухабах, тут-то зловердные насекомые и проснутся!

Главное, чтоб меня никто не засёк рядом с каретой.

Попадусь – лёгким испугом не отделаюсь, тем более что Кабан сильно не в духе: фея в розовом помахала ручкой и испарилась, отвергнув герцогские авансы. Надо же, умная девушка попалась!

Ос удалось подсунуть уже затемно. Мне было слегка не по себе, ведь за случайность такое не выдать. Ничего, что-нибудь придумаю!

Утро началось совершенно заурядно. Вычищенных накормленных коней запрягли в карету. Сегодня это были не два, как обычно, а все четыре меровенца. В Кентар их светлость желал въехать именно цугом, так что опробовать, насколько съезжена четвёрка, стоило заблаговременно. Сабельники взлетели на коней, Кабан с секретарём погрузились внутрь экипажа, и мы тронулись.

Полчаса не происходило ничего. Лошади мерно рысили, карета покачивалась, Фернап зевал, солнце ползло вверх по небосклону. Я уж решила, что осы нашли какую-нибудь щель и улетели восвояси, когда изнутри раздался вопль. Я даже не сразу поняла, что это орёт герцог. Куда ж его ужалили? Хочу знать! И вот беда – ведь не спросишь... а до того любопытно! Но какая я талантливая – уже дважды заставила их светлость заголосить. И обещаю, склепом моей прапрабабки клянусь, это – не предел!

– Откуда тут эта... – дальше следовала гирлянда эпитетов, за употребление которых тётя Анель мне бы рот с мылом вымыла, – ...оса взялась?

– Позвольте погляжу, – раздался голос секретаря.

Угу, сейчас тяпнувшая герцога оса предъявит ему подорожную. Стиснула зубы, сиюсь сохранить серьёзную мину, и тут изнутри раздалось:

– Аа-а! Ещё одна!

Да там ещё десяток должен быть. Это вы пока не всех отыскали.

После третьей счастливой находки из недр кареты раздалось:

– Стой, мать твою, стой!

Ну что за герцоги пошли! Ругается как сапожник, а рвётся в опекуны к благовоспитанной юной девице! Ну, вот дорвался – и нарвался.

Покосившись на вылезшего из кареты на дорогу герцога, с удовлетворением отметила: гад потирает зад. Сел он, что ли, на несчастную насекомую?

Секретарь остался в карете – обыскивать ту на предмет обнаружения незаконных пассажиров. Нашёл быстро. И больше, чем искал. После чего тоже вывалился на дорогу, попеременно потирая руку и щёку. Ага! Осы – это вам не добронравные пчёлы. Полосатая зараза может укусить много раз, и ничего ей от этого не будет. А вот покусанному – будет!

Началось стратегическое совещание, что делать с осами в карете.

Сабельники от борьбы с внутренним врагом отчего-то уклонились. Я сидела, пытаюсь сохранить на физиономии подобающее выражение трагической озабоченности. Судя по всему, выходило не очень, потому что секретарь вдруг уставился на меня и произнёс:

– Тьери, или как там тебя, ну-ка марш в карету, перелови ос!

Ну, спасибо. Я свою норму по пленению перепончатокрылых ещё вчера выполнила, но никому об этом не скажу! Но придётся лезть. Если только... Стукнувшая идея была несколько шальной, но с виду выглядела разумной:

– Надо попробовать дымом их выкурить! Дыма все насекомые боятся!

Господин Мерсьен ещё раз потёр покрасневшую щёку и задумался. Заглянул в лицо патрону. Кабан пожал плечами:

– Делайте что хотите, но чтобы через десять минут мы были в пути.

Того, что произошло дальше, я не планировала. Оно случилось само. Распорядился всем секретарь, который велел раскрыть в карете обе двери и, прикинув, с какой стороны ветер дует, выбрал, на которой из обочин развести костёр. Ясное дело, топлива, кроме сухой травы, поблизости не оказалось. А для дыма надо вообще зелень в огонь кидать. За травой и зеленью отрядили сабельников. Пока те занимались собирательством, я соскочила с козел якобы размяться. А на деле прикидывала, как бы ещё навредить.

Куча сухой и полусухой травы загорелась, задымила, окутывая карету сизой пеленой. Фернап зачихал. Я решила, что момент самый подходящий, и, пользуясь каретой как прикры-

тием, беззвучно свистнула. Кони – все четверо – послушно рванули с места. Дядька Фернап чуть не улетел с козел, но справился и удержался. Натянул вожжи – кони остановились. Вот только костёр остался где-то позади...

Заставить пятиться по сельскому ухабистому тракту несъезженную четвёрку, запряжённую в тяжёлую карету, – дело гиблое. Слишком велик шанс оказаться в придорожной канаве.

Пришлось разжигать ещё один костёр на новом месте.

Герцог уже не ругался – он просто стрелял убийственными взглядами и был белым от гнева.

Я трудолюбиво, не поднимая головы, выдираю вдоль обочины кочки вместе с корнями и молилась Девам-Заступницам, чтобы никто ни о чём не догадался. Сабельники отправились за очередной партией зелени.

Я чуть язык не прикусила, увидев, *что* они принесли. Конопля! Ну, в принципе, её выращивали как для изготовления веревок и парусной ткани, так и в лекарственных целях, но эти горожане что, совсем ничего не соображают? Где нашли-то? Но нашли, целый пук.

Дальнейшее описанию не поддавалось.

Густой дым стелился вдоль дороги, окутывая карету, застывшего на козлах дядьку Фернапа, сабельников, которым герцог раздражённо приказал оставаться на местах. Кто-то начал чихать, кто-то мечтательно произнёс: «Дыней пахнет...»

Окуривание продолжалось до тех пор, пока секретарь, перетряхивающий подушки в карете, не выпал из неё, успев перед тем, как потерять сознание, сообщить герцогу:

– Ваша светлость, я вас ненавижу!

Однако!

Потом запел Фернап. Басом. А кони, почувствовав свободу, побрели вперёд уже безо всякого моего вмешательства. И хорошо, а то б конвой так и полёг на той дороге в дыму...

К вечеру мы еле дотащились до следующего трактира. Секретарь дрых в карете, их светлость злилась, сабельников качало в сёдлах. Что случилось с осами, мне было неизвестно. Может, тоже где-то ползают и празднуют. Четвёркой пришлось править мне, поскольку кучер витал в облаках. И, если бы не свист, не исключено, что я б и не справилась.

Но день определённо удался!

И вот теперь мы подъезжали к Кентару.

Моё эйфорическое настроение продержалось ровно до последнего поворота перед городом, когда слева от дороги взгляду открылся полускрытый рощей холм со стоящей на нём виселицей. Там качались трое – уже не разобрать, кто именно – мужчины ли, женщины ли, так, тела в лохмотьях. На горизонтальной перекладине переругивалась пара ворон.

На меня как ведро ледяной воды выплеснули: это не игра! И, если не буду осторожна, могу закончить жизнь так же плачевно. Так что, Эль, думать забудь о подбрасывании мух в герцогский суп или устройстве муравейника в Кабанных парадных сапогах. Попадёшься – пропадёшь!

Резиденция герцога Ульфрика Тауга Эл'Денота располагалась на вершине одного из прибрежных холмов, занимая добрую часть онога. Огромный особняк с помпезной центральной частью и уходящими вглубь сада крыльями, парадный подъезд с широкой аллеей, обрамлённой незнакомыми мне прихотливо стриженными кустами с крохотными тёмно-зелёными листочками, белые дорожки и ни одного одуванчика или другого плебейского сорняка на огромных изумрудных газонах. Имелся фонтан. Поодаль высились несколько огромных раскидистых грабов и дубов, скрывавших хозяйственные постройки.

Это сколько ж тут должно быть слуг, чтобы держать дом размером с целое поместье в идеальном порядке?

Угадала: народу, включая трёх садовников, шесть горничных, повара и кухонную прислугу, в доме было предостаточно. Правда, квартировались все в небольшом флигеле, дальнем от господского крыла. Только секретарь Мерсьен жил в особняке.

Я озадачилась. Выходило, что по вечерам внутри господского дома должно быть пусто. Если герцог и секретарь спят, то можно спокойно ходить по комнатам. Или тут имеются ещё и сторожа? Кстати, а куда поселят меня? Ох, ожидаемо, во флигель, в одну каморку с помощником садовника. Вот это нехорошо. Очень нехорошо... Надо срочно что-то придумать, чтобы перебраться в особняк. А пока посплю на конюшне. Там должно быть спокойно, потому что сабельники по приезде в Кентар отправились в родные казармы. Хотя резиденция герцога и находилась под их охраной, тут они не жили.

Случай выдался на следующий же день.

Переодевшись в чистую рубаху и приличный синий суконный жилет, я отправилась искать секретаря, чтобы напомнить о своём существовании и о том, как мечтаю стать его помощником. Раскланялась с натиранными паркет горничными, за что была названа «милым мальчиком», и, узнав, где находится кабинет, двинулась туда.

Мерсьен сидел за столом, заваленным бумагами и нераспечатанными письмами. На полу рядом стояли ещё три корзины, набитые корреспонденцией.

Остановившись в дверях, кашлянула и, когда секретарь поднял на меня взгляд, поклонилась:

– Здравствуйте, лорд Мерсьен!

Наверное, когда на тебя смотрят как в известной поговорке про солдата и вошь, это нехорошо? Попробую исправить положение дел.

– Могу ли я чем-то быть полезен? Вы видели в дороге, я старался изо всех сил!

Секретарь сморщил длинный нос, став похожим на озадаченную облезлую крысу, и фыркнул:

– И чем конюх может быть тут полезен?

– Посыльным послужить! Или, вот... – взгляд упал на гору писем, – помочь ответить на те, что неважные. У меня почерк хороший!

– Конюх будет писать ответы на письма, адресованные герцогу? А выпороть тебя не пора?

– А вы позволите попробовать! Если испорчу лист бумаги, так вычтите из жалованья.

Усмешка секретаря стала нехорошей, хищной.

– Ну ладно, нахалёнок, пиши. Если что – заплатишь! – И кинул мне один из конвертов.

– Вы только на словах коротко скажите суть ответа. А дальше я сам.

Письмо было заурядным приглашением на давно уже прошедший званый вечер. Что тут писать-то? Выразить сожаление, что был в отъезде по служебным делам – ага, сирот грабил по приказу родины – и присутствовать никак не мог.

Присела за угол стола, примерилась к перу, попробовав то на уголке конверта, и начала писать, стараясь, чтобы почерк выглядел твёрдым, мужским: «Дорогая леди! Благодарю за приглашение, хотя получил его слишком поздно по причине отъезда по долгу службы». Задумалась: а дальше-то что? Откуда мне известно, в каких отношениях Кабан с этой леди? Может, у той большие связи в столице или она его бывшая пассия. А может, сие просто надоеда вроде меровенской крапчатой жабы.

Додумать не дали – секретарь выдернул лист прямо у меня из-под локтя. Прочёл написанную фразу и прищурился в упор:

– И кто ты такой? Только не говори, что деревенский мальчик с конезавода. Отвечай правду, иначе разговор продолжится в другом месте! Ты – подсланный шпион?

К подобному повороту я была готова, хотя обвинения в шпионаже не ждала. Всё ж это как-то чересчур.

Уставилась прямо в глаза Мерсьена:

– Клянусь памятью мамы с папой, никакой я не шпион! Я ж сам сказал, что грамотный и что пишу хорошо!

– Слишком хорошо! Ни единой ошибки в такой фразе!

– Так меня, пока был жив лорд Эл’Сиран, специально учили! Даже преподаватели приезжали!

Сушая правда, кстати. За небольшим дополнением: и после смерти родителей тётя не дала мне расслабиться – педагогов стало даже больше, а не меньше.

– С чего бы сиротке такая честь?.. – начал Мерсьен и осёкся. Было видно, как крутятся колёсики в мозгу. Ну, как же он сформулирует сделанный вывод?

– Ты Сиран не просто по названию деревушки, так?

Кивнула. Прости папа, но мне придётся сказать, что я – твой ребёнок.

– Забавно.

Тон был каким-то нехорошим. Сейчас меня явно мысленно взвешивали, обмеривали и прикидывали, в каком именно виде – жареном или просто освежёванном – потребить.

– Так возьмёте вы меня в помощники, лорд Мерсьен? Я буду стараться!

То, что секретарь чувствует себя недооценённым, я уже поняла. Так что назвать его «лордом», кем бы по происхождению этот скунс от канцелярии ни являлся, значило лишний раз подольститься и стать персоной, приятной для общения. Ну, «персона» – это слишком громко сказано, но важно поднимать своим присутствием настроение, а не раздражать. И наконец – это объясняла тётя – для установления контакта нужно как можно чаще употреблять имя того, с кем беседуешь. Для слуха большинства людей нет ничего приятнее собственного имени. Исключение – и то не всегда – составляет звон монет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.